

Книги Юрия Пашковского
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

**ПРОКЛЯТАЯ КРОВЬ. ПОХИЩЕНИЕ
ПРОКЛЯТАЯ КРОВЬ. ПРОБУЖДЕНИЕ
КРУЖЕВА БЕССМЕРТИЯ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЮРИЙ ПАШКОВСКИЙ

КРУЖЕВА
БЕССМЕРТИЯ

РОМАН

Москва, 2011
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П22

Серия основана в 1992 году
Выпуск 732

Художник
В. Федоров

Пашковский Ю.

П22 Кружева Бессмертия: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 601 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1020-0

Если к боевому магу обращаются Повелители преисподней, то лучше к ним прислушаться. Если боевому магу Повелители преисподней предлагают контракт, то лучше отказаться. Что? Не получится? Тогда боевому магу не остается ничего, кроме как выполнить контракт. Но когда вокруг гибнут Бессмертные, как смертным выполнять свою работу?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1020-0

© Юрий Пашковский, 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Джетуш Малауш Сабиирский, известный в чародейском обществе Равалона как Земной маг, разошелся не на шутку. Уступать он не собирался. Его соперник, впрочем, тоже не сдавался.

— Учитывая нанесенный вами ущерб, гильдия вынуждена сократить оплату вдвое, то есть в пределах аванса...

— А сократить себя гильдия не хочет?

— Понесенные убытки превышают возможный доход в будущем на...

— Может, тебя в лягушку превратить? Болот вокруг много, скучать не придется! И кувшинки, говорят, здесь красивые! Будешь наслаждаться прекрасным до конца жизни!

— Мы вынуждены вновь указать, что угроза оказалась не той, которую гильдия ожидала...

— Вы наняли нас зачистить район от нечисти! И если ваша гильдия разницы между стригуном и глишайником не видит, то это проблемы гильдии, а не Школы!

— Согласно договору, вы должны были уничтожить нечисть, но никак не принадлежащие гильдии здания...

— Я могу еще поуничтожить принадлежащие гильдии здания! Вот это вот, например, где ты так уютно устроился! Мало ли, может, у вас тут спор глишайника полно!

И Джетуш демонстративно закатал рукава рубахи. Магу его уровня не требовалось доставать из ауры заранее приготовленное заклятие. Он просто создал его, не прибегая к тщательно хранимым запасам. Извивающиеся огоньки покрыли сжимающиеся пальцы, и Земной маг сунул ярко запылавший кулак чуть ли не под нос крепко сбитому гному, представителю Торговой гильдии Великой Франкии. Сунул

прямо в ярко-рыжую бороду, и только воля Джетуша не дала бороде вспыхнуть.

Глаза гнома сузились. Он наверняка чувствовал жар, исходящий от кулака Магистра, он наверняка понимал, что маг... гм... разочарован отказом гильдии выплатить оставшуюся после аванса сумму за выполненную работу, он наверняка осознавал, что волшебник вполне может реализовать свои обещания и по поводу лягушки, и по поводу здания, и вообще. Он наверняка все это чувствовал и понимал. Тем не менее...

— Гильдия спешит напомнить, что Номос Конклава, кроме строго оговоренных случаев, запрещает воздействие на решения свободных смертных магией или ее производными.

М-да. Нашла коса на камень.

При упоминании Конклава Земной маг поморщился. Джетуш не особо жаловал Высший совет магов. Впрочем, не только он. Школа Магии и Конклав вообще недолюбливали друг друга. Конклав жаждал полного контроля над всеми магическими сообществами Равалона, Школа же отстаивала идеалы свободного развития и плюрализма волшебных практик. Конклав, конечно, могущественнее, но по развитию магических технологий Школа впереди мира всего. Поэтому Конклаву приходилось терпеть Школу, так как большинство заклинаний и артефактов ему поставляла именно она. В свою очередь Школа была вынуждена соглашаться с привилегированным положением Конклава в магическом мире: большую часть наиболее денежных заказов она получала от него.

Уолт Намина Ракура уныло посмотрел в окно. За окном распростерлось небо, серое и тоскливое, как и городишко, куда их занесло. Джетуш Малауш Сабиирский, наставник Уолта и по совместительству командир отряда боевых магов, посланного во Франкию разобраться с нечистью, тревожащей склады местной Торговой гильдии, спорил с гномом о том, насколько уничтожение склада вписывается в пункт «Об ущербе» заключенного со Школой Магии контракта. По представлениям Джетуша вполне вписывалось. Гном настаивал на противоположной точке зрения. И вот уже час как они не могли прийти к компромиссу.

Уолт сдержал печальный вздох и скучающе оглядел комнату. Кабинет как кабинет. Стол, два шкафа с пожелтевшими

ми от времени свитками, три ящика в левом углу. На столе чернильница и толстенная книга. Широкое окно выходит на запад, открывая взору черепичные крыши невзрачных домишек. На потолке баталия: красные рыцари молотят белых рыцарей, а на них взирает суровый небожитель. Непонятно, что хотел изобразить художник. Рыцари различались только цветом доспехов, и то ли Добро побеждало Зло, то ли Зло одерживало верх над Добром. Впрочем, Уолт предполагал, что есть и третий вариант интерпретации: разницы нет, а смертные — игрушки в руках богов.

Еще на правой стене висел портрет Дурана Чернобородого, древнего гномьего короля, который, согласно мифам гномов, некогда правил всем Равалоном. Держа в руках тяжелый молот, Дуран сурово смотрел на недовольного Джетуша. Король гномов, казалось, готовился сойти с картины и молотом доказать правоту своего собрата. Золото — это то, что ценили гномы во все времена. Как говорится, гном скорее безвозмездно отдаст бабушку оркам, чем золото на доброе дело. Ох, не зря именно этого представителя гильдии назначили для подтверждения выполнения договора Школой. Уолту гном не понравился сразу, как только Магистр его увидел. Много чего хотелось сказать бородачу, а еще больше хотелось сделать — в основном огнешарами.

Стараясь не разеваться, Уолт принялся мысленно разбирать кабинет на части и представлять его как потенциальную магическую систему. Вот, например, угол кабинета. Абстрагируемся. Геометрически этот угол — просто три соединенные под прямыми углами линии. Три — это число. Ну а числа издревле несут в себе тайный смысл и сакральные значения. Тройка в повседневном обращении, как и всякое число, означает количественную меру вещей, но в магии символизирует уровни Эфира — субстанции волшебства. Единица, символ единства и могущества Тварца, в магии означает скрытую мощь и целостность Эфира. Двойка, символ созданного Мира, обладает значением манифестации Эфира в феноменах, когда волшебство проявляет себя в вещах, изначально не магических. Тройка, символ объединения Тварца и сотворенного им Мультиверсума миров, означает синтез единицы и двойки, или, иначе говоря, является символом магических объектов. Угол комнаты, следовательно, при соответствующем

шей установке сознания мага может быть использован как усилитель при создании волшебных предметов. Ну а если без установки сознания, то главное тут — добавить соответствующие компоненты: особые растения вроде каменного цветка из Малахитовой горы, что находится в Великой гряде, или воду, настоящую на разрыв-траве в свете полной луны в течение полугода. Однако это старые, шаманские методы. Современные маги намного дальше продвинулись в управлении Силой, добившись мастерства контроля Эфира на уровне мыслеформ.

Пока Уолт от скуки анализировал кабинет как потенциальный очаг чародейства, Джетуш продолжал хмуриться, грозно глядя на бородатого смертного. Убирать огонь он не спешил, но кулак от лица гнома отодвинул.

— Я хочу поговорить с вашим главным, — сказал Земной маг.

— Он отправился в столицу для заключения договора о поставках соли в Завидию.

— Когда?

— Вчера.

— Тогда хочу пообщаться с его заместителем.

— Он приболел.

— И давно ему нездоровится?

— Со вчерашнего вечера.

— Тогда желаю видеть ответственного за наем боевых магов.

— Таковым назначен я.

— Дайте угадаю. Вчера?

Гном утвердительно кивнул.

— Ах вот как... — Джетуш задумчиво прищурился и, погасив пламя, постучал пальцами по столешнице. Уолт отлично знал: когда Джетуш Малауш Сабиирский, экселенц магии Стихии Земли, вот так щурится, то ничего хорошего ожидать не стоит. Это так же верно, как то, что треугольник в круге у шаманов-орков означает энергии Земли. Уолт помнил, что во время студенчества это прищуривание заканчивалось мытьем стойбищ мантикор, а во время аспирантуры — заговором невероятного отвращения к пиву на целый месяц, избавиться от которого не получалось ни у кого из аспирантов.

— В таком случае, я хотел бы попросить вас просмотреть

контракт еще раз и засвидетельствовать, что все пункты, кроме вызвавшего разногласия, выполнены, — с этими словами Джетуш подсунул под нос гному стандартный контракт Школы. Бумага из дорогущего белого дерева кроме чернил содержала в себе и магию: строчки, которые читал гном, подсвечивались и как бы увеличивались, приближаясь к лицу. Как утверждали разработчики с кафедры магического письма, сделано это было для удобства чтения. Как предполагали все остальные Магистры, сделано это было ради показухи. Впрочем, новшество свое дело делало: магическая бумага раскупалась на «ура», принося немалый доход Школе.

— В принципе... — неуверенно, пытаясь понять, в чем подвох, произнес гном, — все выполнено. Нечисть уничтожена. Однако я еще раз напомню, что гильдию не устраивает разрушение склада, которое никак не вписывается в рамки настоящего контракта.

Уолт не выдержал и вздохнул. Гном с опаской покосился на него. За все время нахождения в кабинете Уолт только и делал, что молчал и загадочно смотрел куда-то за спину гнома. Гном из-за этого нервничал, хотя старался не подавать виду. Еще бы. Джетуш специально заставил Уолта вырядиться в церемониальный наряд боевого мага. А это значило, что уже битый час Уолт торчал в этой комнате, закутавшись в иссиня-черный плащ, поверх которого на груди красовалась тяжеленная и вдобавок к этому гудящая цепь с ярко-красным рубином посередине. В правой руке Уолт держал здоровый, превышающий его рост посох с имитацией черепа дракона на навершии. В глазницах черепа клубились октаринные огоньки, а по клыкам пробегали разряды молний. В левой руке Магистра расположилась огромная книга, на которой большими гномьими рунами Джетуш написал «Заклинания Жестокой Смерти». На самом деле фолиант носил название «Кухня народов Равалона», но тяжесть книги, по мнению Уолта, делала ее неплохим наступательным оружием.

Земной маг собирался этим маскарадом надавить на психику представителя гильдии, однако тот при виде Уолта только слегка побледнел и зачем-то подвинул чернильницу поближе. Гном оказался упрямым. Оставшуюся сумму оплаты он все так же отказывался выдавать, хоть и нервничал, — и

вся роль Ракуры свелась к тому, что он как пугало торчал посреди кабинета.

«Наставнику стоило бы меня уже давно отпустить. Понятно же, что толку от меня как от камня молока... — уныло думал Уолт. — Пользы никакой. Зачем меня вообще мучить, продолжая держать тут наряженным? Это же гном ему деньги не отдает, а не я! Боги, вы несправедливы!»

Услышь боги обвинение молодого мага, скорее всего, просто пожалели бы плечами. Большинство из них было уверено, что несправедливо мироздание, в котором одни боги попивают нектар и амриту, занимая должности в Высшем Пантеоне, а другие вкалывают как ломовые лошади, поддерживая порядок в мире смертных.

— То есть вы подтверждаете, что нечисть была нами уничтожена? — вкрадчиво спросил Джетуш.

— Да, это я подтверждаю...

— Не могли бы вы тогда любезно расписаться здесь и вот здесь? Не беспокойтесь, эти пункты никоим образом не касаются раздела «Об ущербе», вы сами имели возможность в этом убедиться, прочитав контракт. Более того, когда вы подпишете эти оба пункта, я откажусь от своих требований, признаю разрушение склада, и моя команда немедленно покинет ваш славный город.

Гном взглядом впился в бумагу. Он не доверял Земному магу, и, по мнению Уолта, правильно делал. Но слова Джетуша о пунктах, не затрагивающих раздел «Об ущербе», являлись чистой правдой. Первый касался использования магии в рамках, разрешенных Конклавом. Второй — истребления нечисти, ради чего гильдия и подрядила боевых магов, уверяя, что необходимо уничтожить новую разновидность стригуна ползучего, с которой никак не могли разобраться местные чародеи. Понятное дело, что не могли. Потому что это оказался не стригун, а глишайник, на который совершенно не действовали методы, идеальные против стригуна.

Сероватая вязкая масса, таившая души погибших в трясинах, заполнила склады Торговой гильдии — ее привлек запах болотистой руды. Собственно, вывозя руду, гильдия и обнаружила «стригуна». Прибыв на место, Магистры сразу поняли ошибку местных волшебников и расправились с проблемой за один день. Но для этого понадобилось собрать весь гли-

шайник на одном складе, а после сжечь его, и не просто сжечь, а провести сложный обряд, призывающий в Стихию Огня частичку Эфира Богов. Только таким пламенем можно было избавиться от данного вида нечисти. И местные чародеи, разобравшись, с чем имеют дело, потратили бы кучу времени, собирая все необходимые для обряда компоненты. Джетуш просто отправил запрос в Школу, и ему в течение часа через мини-портал прислали все необходимое. В сущности, плевое дело.

— Мне надо еще раз прочитать контракт... — начал гном, но Джетуш перебил его.

— Экселенц Уолт, подойдите сюда, пожалуйста, — позвал Земной маг подопечного.

Сбитый с толку «экселенцем» и обращением на «вы», Ракура приблизился к столу, продолжая смотреть за спину гнома. Гном pokrылся потом и мелко задрожал.

«А он не просто нервничает, он боится... — отметил Уолт. — Хотя чего во мне страшного? Боевой маг как боевой маг...»

— Уважаемый... кстати, я забыл, как вы представились в начале нашего разговора? — Джетуш озабоченно посмотрел на гнома, а сам незаметно подтолкнул Уолта ближе к столу, отчего Намина Ракура вообще навис над бородатым крепышом.

— Турбин Скильдигссон... — пролепетал гном, с ужасом уставившись на Уолта.

— Видите ли, уважаемый Турбин, мы по нашей обоюдной глупости отнимаем время у экселенца Уолта, который уже сегодня должен начать исследовать различия между костяными гончими, возникающими из мертвых людей и из мертвых гномов. Для этого он должен вскрыть гнома-преступника, чтобы получить тело со свежими некроиспарениями, но вот беда: если он не успеет вернуться в Школу, преступника вздернут, не дожидаясь экселенца. А это повредит его исследованию. Впрочем, уважаемый Турбин, экселенц Уолт является Черным магом, дипломированным самим Конклавом, так что, в случае чего, мы можем поискать преступника и в городе...

Гном побледнел.

— У нас... в тюрьме у нас нет... гномов...

— Вот как? — Джетуш покачал головой. — Ну, дипломи-

рованный Конклавом Черный маг всегда найдет выход из положения, не так ли, уважаемый Турбин?

— Я... — гном сглотнул. — Вы покинете город незамедлительно, если я распишусь под этими пунктами?

— Это в наших интересах, — заверил его Джетуш. — Посмотрите на экселенца, он так недоволен!

Лицо Уолта действительно выражало недовольство, но лишь потому, что Джетуш наступил ему на ногу. Ракура понимал, что нужно терпеть, но от понимания легче не становилось.

— Хорошо, хорошо! — Гном схватил бумагу и быстро расписался. — Вы действительно согласны с претензией гильдии, что...

— Да плевать. — Джетуш выхватил контракт и спокойно вышел из кабинета. Скорчив напоследок злобную рожу (гном чуть не свалился со стула), Уолт последовал за наставником к лестнице.

— Это нормально? — спросил он, догнав Земного мага, уже спускающегося на первый этаж.

— Что — нормально? — уточнил Джетуш.

— Что мы уходим без оплаты. И вообще, что это было?

— Уолт, ты забыл, чему тебя все это время учили? Что дозволено дипломированному Конклавом Черному магу? Только не надо перечислять все в подробностях, давай основную суть.

— Если суть, то... Черный маг в случае непосредственной необходимости имеет право использовать любого смертного, за исключением дворян, для своих чар.

— Вот именно, Уолт. А этот гном точно не из дворян. Дворяне, знаешь ли, в торговых гильдиях не служат, а если и служат, то всеми способами показывают свое происхождение, чтобы окружающие знали, с кем имеют дело.

— Но я не Черный маг.

— Ты об этом знаешь. Я об этом знаю. Но Турбин, мать его, Скильдигссон не знает. А я вдобавок вчера заставил Бертрана пройтись по всем местным тавернам и по секрету рассказать, что в нашей команде есть Черный маг, только благодаря которому мы и справились с нечистью. Слухи в этом скверном городишке быстрее мысли, погонишься за ними —

не догонишь. Думаю, они достигли ушей Скильдигссона за-долго до нашего прихода.

— Но денег мы все равно не получили, — заметил Уолт, догадываясь, к чему клонит наставник.

— Не получили. Зато у нас на руках доказательство того, что работу по уничтожению нечисти мы целиком и полностью выполнили. — Джетуш потряс в воздухе контрактом.

— И? — все еще не уверенный в догадке, спросил Уолт.

— Уолт, ты меня разочаровываешь. Ты что, не выспался? С тех пор, как ты занялся магией крови, такое чувство, что стал хуже соображать!

— Простите. Но весь этот маскарад довольно-таки тяжел, и все время, находясь в этом одеянии, я мечтал только об одном — поскорее его снять.

— Ладно. Поясняю. Нечисть мы уничтожили — это раз. Гильдия сие подтвердила — это два. Если здесь вдруг снова появится глишайник, то нашей вины в случившемся не будет — это три.

Уолт едва удержался от горестного вздоха. Догадка была верной, но какого убога он в ней сомневался? Да, прав наставник. Заиклившись на сложной проблеме, связанной с изучением магии крови, Уолт стал невнимательным к другим делам. Ведь что тут непонятного? Джетуш отказался выбивать деньги из гильдии, но не потому, что сдался. Просто на складах снова появится глишайник. Доказать, что к этому приложили руку боевые маги, гильдия не в силах, слишком противоречивы и туманны причины возникновения нечисти. А вот снова нанять Школу хитрые торгаши не смогут. Да и другие чародеи, принадлежащие иным волшебным гильдиям и орденам, если возьмутся за работу, то затребуют огромные деньги вперед. К тому времени Земной маг ославит Торговую гильдию Великой Франкии на весь Равалон.

Конечно, кто-то скажет, что Джетуш ведет себя мелочно: великий маг (действительно великий, один из лучших в Равалоне) обиделся на каких-то там лавочников. Но, как говаривал Эвиледаризарукерадин, нынешний Архиректор Школы Магии, главное, чтобы прецедента не было. Пытающийся обмануть Школу должен надолго запомнить, что такого делать не стоит.

Кто-кто, а нынешний глава любил перестраховываться.

Недаром незадолго до того, как предыдущий Архиректор назвал его преемником, волшебник Эвиледар, один из лучших чародеев Школы, официально, с соответствующими религиозными службами и записями, поменял свое имя. Поскольку каждый, кто занимал пост Архиректора, представлял для завистников наглядную мишень для проклятий, в том числе магических, Эвиледар недолго думая усложнил собственное именование настолько, что каждый, кто пытался проклясть его, скорее сломал бы язык, чем выговорил имя новоиспеченного главы. Магических анафем с тех пор Архиректор Эвиледаризарукерадин особо не опасался. Соответствующие ритуалы требовали величайшего напряжения Локусов Души с быстрой сменой мыслеобразов и вербальных формул. А на простые пожелания провалиться в Нижние Реальности или Тартарарам Архиректору было плевать с высокой башни. Для мага его уровня они не являлись тем, о чем следует беспокоиться.

— Он мог понять мою задумку, но ты своим видом отвлек его и не давал сосредоточиться, — продолжал объяснять Джетуш, хотя Ракура уже разобрался в планах наставника. — Как Черный маг, которому нужны свежие гномьи кости, ты мог заинтересоваться именно им.

— Вы иногда меня пугаете, — покачал головой Уолт.

— Иногда? — скептически поднял брови Джетуш. — Лучше прямо скажи — иногда я тебя не пугаю.

— Так было в студенческие годы, — возразил Уолт. — Сейчас я уже не боюсь вас.

— А зря, — хмыкнул Джетуш.

Они прошли пустующий зал на первом этаже. В первый день, когда боевые маги приехали в город, зал полнился импозантными смертными, заключающими сделки друг с другом и с представителями гильдии. Судьба тысяч золотых зависела от произнесенных здесь слов. Но со вчерашнего дня, когда весь город узнал, что гильдия не собирается выплачивать оставшуюся по контракту сумму, зал пустовал. Никто не рисковал заглянуть в представительство гильдии в тот момент, когда там будут находиться боевые маги, не получившие заработанные деньги.

Кто хуже гнома в вопросе золота? Правильно, боевой маг. А самые худшие — боевые маги-гномы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Вы быстро, — сказала Эльза, когда они вышли из здания Торговой гильдии. — Мы ожидали вас часа через три.

— Это почему же? — живо заинтересовался Джетуш.

— Да потому что там гном. А вы, учитель, от гнома отличается только тем, что родились человеком.

Джетуш Сабиирский задумчиво посмотрел на подчиненную. Высокий, полноватый и лысый — его в первый раз в жизни сравнивали с гномом. Но Уолт признал, что Эльза права. Чем-то неуловимым Джетуш походил на подгорного жителя, и это «чем-то» присутствовало в Земном маге и раньше, просто Уолт не обращал внимания.

— А когда гномы спорят из-за денег, то жди Великой Подгорной войны, не меньше. — Эльза улыбнулась. При виде ее улыбки Уолт почувствовал, как на душе становится легче, и едва сдержался, чтобы не улыбнуться в ответ. Ксанс и Бивас не сдержались и заулыбались, точно дети, получившие конфеты. Даже Джетуш усмехнулся.

Статная, с белокурыми волосами, тщательно уложенными в толстую косу, с гармоничным, точно у эльфийки, лицом, с пронзительным взглядом ярко-голубых глаз — Эльза ар-Тагифаль слыла первой красавицей среди боевых волшебниц Школы Магии. Впрочем, состязаться ей было почти не с кем. Дворяне редко отдавали своих дочерей на кафедру боевой магии, а купцы спешили пристроить дочерей на факультет повседневного волшебства. Будущие жены, по мнению негоциантов, должны были следить за порядком в доме, а не гоняться за нечистью по лесам. Так что ар-Тагифаль была той из немногих, кто по велению родителей, по стечению обстоятельств или просто по глупости вступил в ряды студентов, готовящихся положить свою жизнь на алтарь боевой магии. В случае Эльзы, внучки королевского боевого мага Олории, причиной поступления послужило желание деда получить достойную замену на своем посту. Сыновья и внуки олорийского чародея способностями к Высокому Искусству не радовали, а внучка неожиданно продемонстрировала такой Дар, что Конклав пристально следил за ее ростом как мага с младенческих лет. Иными словами, Эльза была гением, рождающимся раз в столетие. Однако, как ни странно,

своими способностями не кичилась, и вообще отличалась спокойным и добрым нравом. Горстка завистниц называла ар-Тагифаль тайным агентом Конклава, втирающимся в доверие к Магистрам, чтобы разведать секреты Школы Магии. А то зачем ей быть доброжелательной и общительной, кроме как для того, чтобы навредить ближнему своему? Уолт только хмыкал, слыша очередное шептание недоброжелательниц по углам Школы.

Стоявшая рядом с Эльзой Дайра Грантер фыркнула и посмотрела на парней как на баранов. Черные волосы аспидами тонких кос падали на спину, бледная кожа обтягивала скулы, глаза, словно темные омуты, где завелась нечисть. Угрюмая как кендер за решеткой. Полная противоположность Эльзы. Разве что способности к Искусству тоже на высоте. Насколько знал Уолт, Дайра была бастардом одного из герцогов Тагбора, и на кафедре боевой магии девушку отдали не без мысли, что какая-нибудь магическая дрянь слопает ее сразу после окончания Школы. Мол, руки у родственничков останутся чистыми, и боги не рассердятся. В Тагборе все боятся гнева богов. Только прелюбодейству, по всей видимости, гнев Бессмертных не мешает. Особенно аристократам.

В отличие от Эльзы Дайра гением не была, но упорства и настойчивости ей было не занимать. А еще она плевать хотела на окружающих, особенно на более слабых в Искусстве. Это, впрочем, не мешало ей быть одним из лучших магов среди аспирантов кафедры боевой магии. Боевые заклинания давались магичке с такой легкостью, что большая часть учащихся от зависти грызла шляпы, а оставшаяся мрачно наблюдала за успехами Темной Бестии — так Дайру прозвали на кафедре. Ее не любили. Сложно любить смертную, которая при первом же знакомстве сообщает, что видела вас и ваши взгляды на жизнь даже не в гробу, а в Посмертии Тысячи Болей. Уолт знал, что Эльза, сумевшая найти общий язык со всеми сокурсниками и учителями, не смогла подружиться с Дайрой. Он лично был свидетелем крайне «милой» беседы, когда ар-Тагифаль предложила Темной Бестии совместно отметить сдачу зачета по курсу огненной магии, а та в ответ буркнула, что если она захочет когда-нибудь бессмысленно потратить время в компании идиотов и полудурков, то обязательно попросит Эльзу организовать вечеринку.

Недоброжелатели Грантер называли ее эмиссаром Космического Зла. И Уолт с ними не соглашался лишь потому, что в Космическое Зло не верил.

— Война, как ты могла видеть, Эльза, не началась. — Джетуш забрал у Уолта посох и книгу и отправил их в сумку со сжатым пространством, которую быстро поднес Бивас Олорийский. Всю операцию по очистке складов от нечисти Бивас проскучал: ему выпала почетная роль держателя чаши, в которую сливали кровь из рассеченного горла свиньи. Именно так устанавливалась связь с Небесным Градом, откуда должен был прийти Эфир Богов.

— Жаль, командир, — вздохнул Бивас. — Я уж надеялся на хорошую драчку с этими парнями, но не вышло. Скучное задание.

— Я надеюсь на скорое наступление эпохи, в которой боевые маги будут выполнять только такие скучные задания, Бивас. — Джетуш вздохнул. — Но покада есть Нижние Реальности, это вряд ли произойдет.

— А можно и это в сумку? — спросил Уолт, стягивая с себя цепь. Наставник благосклонно кивнул, и церемониальная хрень полетела следом за посохом и книгой.

— Где Бертран? — спросил Джетуш, обнаружив, что из подчиненных ему шести аспирантов присутствуют только пятеро.

— Ищет подходящее место для открытия портала, как вы и приказали, — ответил Ксанс Вильведаираноэн, высокий и худой Ночной эльф. В отличие от Биваса, того еще забияки, весь ход операции Ксанса полностью устроил. Как и Джетуш Сабиирский, эльф считал, что лучшими временами для боевой магии будут те, когда она станет совершенно не нужна. Уолт вообще не понимал, как при таком подходе Ксанс является одним из перспективных разработчиков новых и модификаций старых боевых заклинаний.

— До сих пор ищет? Странно, когда мы сюда прибыли, здесь было полным-полно идеальных мест для Перехода. — Джетуш нахмурился.

— Может, он просто не способен выполнить даже простенькое задание, — пробурчала Дайра. Наставник хмуро посмотрел на нее, но ничего не ответил. После того случая, когда Джетуш случайно застал Грантер, издевающуюся над слабо

развитыми Локусами Души кумбхандки из Махапопы, и залепил Бестии пощечину, Дайра старалась при нем особо не проявлять свой характер, но натура то и дело брала свое.

— Значит, так, — Земной маг огляделся и прищурился. — Бивас, Ксанс. Найдите Бертрана и возвращайтесь в гостиницу. Мне не хотелось этого делать, но я открою Переход в Школу прямо оттуда. Эльза, ты пойдешь со мной, поможешь с настройкой заклинаний.

— А что делать мне, учитель? — уныло спросила Грантер. Так уныло, что Уолт почувствовал, как нудный и тоскливый день становится еще нуднее и тоскливее.

— Ты... — Джетуш прищурился. — На тебя, Дайра, ложится самое ответственное задание. — Земной маг по локоть засунул руку в сумку, которую продолжал держать открытой Бивас. Когда он вытащил руку обратно, в кулаке держал нечто смердящее и слизистое. Уолт знал, что это. Знала и Дайра.

— Глишайник... — она поморщилась. — Но разве мы не уничтожили его?

— Я взял несколько экземпляров для кафедры неестественной зоологии. Они все время жалуются, что кафедра боевой магии не предоставляет после заданий образцы для изучения. Думал преподнести подарок, но, видимо, снова придется слушать их нытье.

— И что я должна делать?

— Все очень просто. Отнеси это к складам гильдии и оставь там, — и Джетуш, быстрее, чем Дайра поняла, что он делает, схватил ее за руку и переложил слизь в ладонь.

Магичка чуть не выпустила глишайник от неожиданности и омерзения, но профессионализм взял верх над ее чувствами. Гордо кривясь, словно императрица, обнаружившая в своем супе таракана, Дайра удержала слизь в руке и спросила:

— А что будет, если меня заметят?

— Ничего, — ответил Джетуш. — Если попытаются остановить, можешь их усыпить. У тебя это хорошо получается, я знаю.

— А зачем ей это делать, командир? — не понимая, что происходит, спросил Бивас.

Джетуш поднял большой палец левой руки вверх и громогласно объявил:

— Для вселенской справедливости!

— А... — сказал Бивас. — Тогда ясно. Мы можем приступить к выполнению задания?

— Можете, — кивнул Джетуш. Ксанс и Бивас тут же разбежались в разные стороны, на ходу призывая мелких духов для розыска Бертрана. Силы на таких духов тратится немного, по сравнению с элементариями — так уж и вовсе ничего, но и радиус поиска у них ограниченный, метров сто вокруг призвавшего. Впрочем, городишко небольшой, и вполне можно обойтись подобными существами.

Дайра направилась в сторону складов Торговой гильдии, окутав себя заклинанием Отвода Глаз. Хорошо окутала, отличная завеса. Уолт смог проследить за ней лишь потому, что знал, какие Дайра использовала заклятия. Бестия не Бестия, но свое дело она знает. Вот только жаль, что обычно из таких нелюдимых смертных и получают первоклассные *дикие* Черные маги и чернокнижники, избавиться от которых Конклав поручает вот как раз Уолту. То есть не самому Уолту, а вообще боевым магам, но в первую очередь Конклав использует против нарушивших Номосы чародеев волшебников Школы Магии. Что поделаешь, боевые маги Школы лучшие в своем деле.

— Кстати, Уолт, и для тебя имеется задание.

— Какое? — спросил Ракура, в тайне надеясь, что наставник прикажет отправиться в гостиницу, забраться в мягкую постель и поваляться до открытия портала.

— А вон оно, твое задание, — Джетуш посмотрел налево. — Стоит и ждет тебя.

«Да провались ты в Нижние Реальности!» — в сердцах подумал Ракура, проследив за взглядом Земного мага. Улыбчивый человеческий юноша в церемониальной райтогловинской одежде стоял на углу представительства гильдии и радостно пялился на магов, будто они собирались подарить ему дворец. Жрец Грозного Добряка пристал к Магистрам как репейник на второй день пребывания отряда в городе, пытаясь вести душеспасительные беседы и донести мысль, что было бы неплохо отречься от суеты мирской жизни и уйти навсегда в монастырь. Бивас, жутко раздраженный тем, что жрец в первую очередь обращается к нему, порывался набить богослужителю морду или хотя бы наколдовать муравьев ему в штаны. Как и всякий олориец, почтения к религии Бивас

совершенно не испытывал. Уолт с трудом сдержал товарища, напомнив, что Грозный Добряк из тех богов, которые ревностно следят за паствой, зловредностью и злопамятностью превосходя даже убогов.

В руках жрец держал стопку листков. Такая же стопка валялась в гостиничном номере, где остановились Магистры. Вчера от нечего делать Уолт пролистал ее, обнаружив лишь знакомые по детству в райтогловинском монастыре сентенции о Лестнице Совершенства, о Милосердном и Справедливом Лицах, о магии, которая, ежели идет не от Грозного Добряка, то является как минимум ерундой и бессмыслицей. Помнится, одной из причин, побудившей Уолта сбежать из монастыря именно в Школу Магии, были рассуждения святого отца Урвянкера, чистокровного райтогловина, с пеной у рта осуждавшего магов, которые берут Силу из природы, от иных богов или, не приведи Грозный Добряк, от убогов, и вообще творят всякие магические непотребства, например, просвещают или лечат смертных. В глазах юного Ракуры жизнь чародеев предстала как полная противоположность жизни, царившей в монастыре. Воспользовавшись удобным случаем, он с десятью товарищами, такими же подкидышами, сбежал. Все они стремились в Школу Магии, однако добрался до нее только Уолт. Остальных поймал отец-надзиратель, отправленный по следам беглецов.

— Иди, пообщайся. И не смотри на меня так, ты отлично знаешь, что боевым магам со жрецами богов лучше не ссориться.

— Боюсь, я не в настроении, учитель, — осторожно сказал Уолт, жаждущий оказаться вовлеченным в религиозный диспут примерно так же, как водяной — прыгнуть в костер.

— Ты из нас лучше всех знаешь, как можно сказать гадость райтогловину, делая вид, что просто интересуешься основами веры. К тому же я видел, как ты просматривал его бумажки.

— Ксанс их тоже просматривал...

— Ксанс новую комбинацию огненных заклятий хотел испытать на подходящем материале. В общем, не спорь. Иди, обменяйся любезностями, выслушай, чего он хочет, как-нибудь вежливо отвадь — и сразу в гостиницу.

— Вежливость не гарантирую, — пробурчал Уолт.

— По крайней мере, ты знаешь, о чем с ним говорить.

Уолт, уже не сдерживаясь, вздохнул. Да уж, знает. Райтог-лорвины и жрецы Грозного Добряка из других рас старательно вбивали догматы веры в юные головы. Ошибись хоть раз, произнеси молитву, которая длится два часа, — и здоровайся с розгами. Забудь хоть одно из Святых Именований Грозного Добряка, количество которых около трехсот — и приветствуй темный чулан дня на два-три. А уж если не сдержишься и неосторожно выругаешься в адрес и райтог-лорвинов, и монастыря, и самого Грозного Добряка — о, здесь в дело вступят младшие экзекуторы, которые изгонят из молодых мыслей все следы присутствия убоговской силы, подвигнувшей на богохульство. И изгонят ведь, так изгонят, что если захочешь проклясть еще раз, то скорее язык себе откусишь.

Уолту повезло: он ни разу не общался с младшими экзекуторами. А вот веселый и улыбчивый Джонатан, не успевший вовремя прервать шутку о Грозном Добряке и двух эльфийках, после каморки экзекуции перестал и веселиться, и улыбаться. Что с ним делали — он никому не рассказывал. Боялся. Он вообще с тех пор всего боялся. И от этого младшие экзекуторы выглядели еще страшнее. Куда ужаснее тех магов, которых клял Урвянкер.

Уолту запомнилось это чувство. Чувство ужасной неизвестности. Он сбежал от этого чувства в Школу Магии и был счастлив, что его приняли. Просто был счастлив. До тех пор, пока не пришло время Тиэсс-но-Карана. Но это уже дела не касается.

Джетуш и Эльза отправились в гостиницу, а Уолт направился к жрецу. Богослужитель, такое ощущение, задрожал от предвкушения беседы. «Ну-ну, — мелькнула мысль, — и что мне сейчас будут втюхивать?»

Наставник конечно же прав. В целом магам лучше не ссориться со жрецами. Одним из источников магических энергий для заклятий как раз являются боги и их Истоки Силы в Равалоне. Но Уолту просто не хотелось разговаривать с богослужителем.

«Великий Перводвигатель, — уныло подумал Магистр, наблюдая, как жрец сам поспешил навстречу. — Ну что я ему скажу? Что предпочитаю верить в себя и близких друзей, а не полагаться на далекие сверхъестественные силы? Что для

меня нет разницы между Грозным Добряком райтогловринов и Невидимым Розовым Единорогом ааргхов? Что как маг я уважаю божественные силы, но при этом стараюсь их особо не беспокоить, ибо в мире должно быть Равновесие? Да я сам в эту чушь о Равновесии не верю! Наставник, ну что я вам такого сделал?!»

— Приветствую вас в очередной раз и спешу спросить: ознакомились ли вы с литературой, которую я предоставил многоуважаемым магам? — жрец с ожиданием уставился на Ракуру.

Уолт сомневался, что скверно отпечатанные откровения жрецов Грозного Добряка можно называть «литературой». Чуть не сообщив, как собирался ознакомиться с литературой Ксанс, Уолт сдержанно кивнул.

— И какие мысли возникли у вас по прочтении?

«Гм, — подумал Уолт, — лучше тебе не знать...»

— Неоднозначные, — решил кратко ответить Магистр.

— Давайте поговорим о магии, — предложил жрец.

— Ну давайте. — Ракуре стало интересно, что богослужитель, который только получает Силу от Бессмертного, но не копит и не перерабатывает ее сам, может рассказать магу о волшебстве. Ладно, минут пять — десять можно и послушать, а там «вспомнить» о неотложном деле — и в гостиницу.

— Не задумывались ли вы, что магия заставляет смертного возгордиться и забыть о своем месте в мире? Не думали ли вы, что магия, раскрывая внешний мир, скрывает мир внутренний? Не казалось ли вам, что магия принесла в мир больше зла, нежели добра? Не возникало ли у вас когда-нибудь мысли о том, что если бы Тварец видел в магии путь совершенствования мира, то все смертные были бы чародеями, но на деле магия подвластна лишь некоторым? Не считали ли вы когда-нибудь, что религиозная вера и магический разум вполне совместимы, но только если помнить, что магия не есть суть смертных, а один из способов их пребывания в мире? Не хотелось ли вам...

— Так, стоп! — Уолт замахал руками, прерывая жреца. Кое-что в этих вопросах ему абсолютно не понравилось. Парень вроде неглупый, взгляд искренний, но, по всей видимости, о работе магов имеет представление только из лекций какого-нибудь Урвянкера. Надо ему кое-что объяснить. — Я,

конечно, все понимаю. И маги гордятся своими способностями, и злоупотребляют ими, но... Простите, не напомните своего имени?

— Отец Игнасс, — улыбаясь во весь рот, сказал жрец.

— Отец Игнасс, почему вы решили, что магия принесла в мир больше зла, нежели добра? Разве вам не известно, что чары и лекарства от многих болезней создали маги, и вот уже несколько столетий только благодаря Конклаву не возникает эпидемий?

— Знаю, — продолжая улыбаться, кивнул богослужитель. — Но разве не маги создали ужасные заклинания, от которых гибли тысячи и десятки тысяч во время войн?

— Эта проблема уже давно отрегулирована Конклавом. Во время войн маги используют только вспомогательное волшебство, но не боевое. — Уолт не сдержался и добавил: — К тому же в предыдущие эпохи не только чародеи, но и служители Бессмертных не раз и не два обрушивали на простых смертных разрушительную Силу. И сейчас им даже Конклав, которому подчиняются волшебники, не указ.

— Грозный Добряк осуждает всех собратьев, которые позволяют своим слугам использовать силу для нападения, а не защиты, — скорбно сообщил отец Игнасс, но тут же снова заулыбался и спросил: — Но не будете же вы отрицать, что именно маги породили свободомыслие?

— Гм... Не совсем понимаю, что плохого в свободомыслии?

— Оно лишает ориентиров! — воодушевленно воскликнул жрец. — Мысль, что движется хаотично и случайно, не знает центра, который дает ей смысл!

— Свобода и есть этот центр, — раздраженно ответил Ракура, начиная подозревать, что его против воли втягивают в никому не нужный спор.

— Но кем дарована эта свобода? — Парень выжидательно уставился на мага.

— Мне кажется, я отлично знаю, к какому выводу вы хотите меня подвести, — сказал Уолт. Шаблонность слов жреца полностью разочаровала Ракуру. До такого не достучишься. Глупо было даже пытаться.

— Знаете? — удивился жрец.

— Магия есть выход за пределы дозволенного смертным. Выход за пределы есть нарушение. Нарушение есть разруше-

ние. Разрушение есть убогопоклонение и отрицание Совершенства Тварца. Ну а это есть прямой путь на костер, ежели не повезет родиться райтогловрином-вольнотумцем.

— Все не совсем так, как вы говорите... — начал богослужитель, но Уолт перебил его.

— Да неужели? — Магистр прищурился. — А не сказано ли Грозным Добряком святому Седрику, что любой верный, на шаг отступивший от предписаний, не достоин посмертия в раю и отправится в Нижние Реальности, будь он хоть до конца жизни благочестивым? А не вещал ли Глас на Одинокое горе, что спасутся те, кто примет Силу лишь Грозного Добряка, а иные, пусть и добрые дела творящие, сгинут вместе с убогами в Бездне?

— Вы знакомы с Писанием? — обрадовался жрец, совершенно проигнорировав тон Уолта. Магистр чуть не застонал. Ну ради чего он тут старается? Парень фанатик. Вера превышает разума и все такое.

— Не поймите меня неправильно, — богослужитель вдруг погрузнел и стал выглядеть старше. Уолт насторожился. — Я... я понимаю, что маги никогда не увидят ту реальность, которая открывается верующему сердцу. Даже верующим магам это тяжело. Мы видим мир по-разному, понимаете?

— Мир один, — ответил Уолт. — Граней много. Не хочется, чтобы все разнообразие было сведено к чему-то одному.

— Я, — жрец зачем-то огляделся по сторонам, — раньше тоже был магом. Да-да, учился в Ордене Пентакля! — поспешно добавил он, заметив сомнение в глазах Уолта. — И я знаю: маги и ученые досконально разобрали физику тела смертных, вскрыв удивительные возможности организма и психики, открыв такие единицы его бытия, которые раньше невозможно было представить. Маги и мудрецы полностью изучили метафизику духа, разобрав строение ауры, структуру Локусов Души, архитектонику тонких планов и пути жизненных духов. Но еще я знаю, что ни маги, ни кто-либо иной не смогли познать, что есть душа, для чего Тварец создал наш мир и какая цель у каждого из нас. Магические искусства не могут дать ответы на эти вопросы!

— Душа — это то, что заставляет двигаться тело, — пробормотал Уолт, немного опешивший от страстной речи богослужителя. Бывший маг? Гм...

— Простите, что?

— Так определял душу Агрисотэл. Философ, не маг. Простите, отец Игнасс, но мы с вами не пойдем друг друга. Я верю в то, что маги нужны миру, и это их личное дело, откуда брать Силу. Вы в это не верите. Приводить доказательства мы можем бесконечно, убеждать друг друга имеем возможность столько же, но оба упрямся лбами в этот предел — веру. А вера штука скользкая и до безобразия упрямая.

— Многоуважаемый Магистр, дело не только в вере. — Жрец вздохнул. — Дело в том, откуда идет вера, в ее источнике.

— Для моей веры мне вполне хватает вот этого, — Уолт постучал себя по лбу. — Собственной головы на плечах и разума.

— А сердце?

— Что — сердце? — нахмурился Уолт.

— Разве можно обойтись без сердца?

— Некролюды обходятся, — сказал Уолт. — Андеды обходятся. Андеды, правда, безмозглые, но некролюды вполне разумны. Они, как вам должно быть известно, и государство в Заграбии построили, и вполне мирно живут, не помышляя о завоевании ближайших стран, хотя кому как не им устраивать войны?

— Печально, что на каждый мой вопрос отвечает ваш разум, а не душа, — вздохнул жрец. — Может, вы просто не хотите услышать ее?

И тут Уолт разозлился. Да что этот парень может знать о *его* душе? Да жрец даже и догадаться не может, что она собой представляет! А если бы смог, то бежал бы сейчас отсюда, сверкая пятками.

Жрец осторожно отступил на шаг, напряженно вглядываясь в Ракуру. Спohватившись, Магистр попытался выглядеть как можно безразличнее. Парень ни в чем не виноват. Неизвестно, что заставило мага стать жрецом, но это его выбор. Уолт, конечно, подобного не одобрял, но это мнение Уолта. Пусть Игнасс хоть вешается, если захочет. Главное, чтобы другим смертным не навредил своим поступком.

— Простите, отец Игнасс, но мне пора, — делая вид, что прислушивается к чему-то, сказал Ракура. — Наша работа здесь выполнена, и мы возвращаемся в Школу.

— Благослови вас Грозный Добряк за славное деяние, — богослужитель улыбнулся, осеняя Уолта крестом. Магистр слабо улыбнулся. Райтогловрины утверждают, что крест означает соединение двух противоположных путей (а именно Грозной и Доброй Ипостаси) и является изначальным символом Грозного Добряка. Но любой интересующийся маго-семиотикой или просто магическими символами знает, что крест использовался еще Магами-Драконами для обозначения единства Неба и Земли, мира горнего и дольного. А уж о множестве других магических систем можно было и не вспоминать: в той или иной мере они основывались на чарах Магов-Драконов, которые и обучили смертных волшебству.

— Однако подумайте еще раз о нашем разговоре, — попросил жрец. — Это сущая малость, разве нет?

— Подумаю, — сказал Магистр.

Ага, как же. Уолт собирался забыть и задание, и жреца, как только отряд вернется в Школу. Думать он собирался только о магии крови и, иногда, о пиве. Или наоборот, кто знает.

Магистр уходил, а жрец стоял и внимательно смотрел ему вслед. Когда маг скрылся из виду, богослужитель ухмыльнулся, выбросил буклеты и поспешил следом за чародеем. Неожиданно он словно растворился в воздухе. Успей Магистр заметить происшедшее с отцом Игнассом, он бы удивился, узнав вязь заклятий, которую до этого использовала Дайра. Аура жреца не являла ни малейшего намека на такой же, как у Грантер, уровень оперирования Силой. Но Уолт не видел. Вообще никто не видел: улица пустовала, а каменные одно- и двухэтажные дома взирали на нее закрытыми ставнями. Город притих и затаился, словно чувствовал, что в его обыденность готовится вторгнуться нечто необычное.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Создание портала из ничего — долгое и нудное занятие. Это относится к любому заклинанию, но когда дело касается Переходов, то нужно учитывать еще и фактор сопротивляемости пространства. Заклинание представляет собой совокупность заклятий, простых преобразований Эфира в более

сложные. Эфир разными способами проявляет себя в материи, сознании, информации, времени, пространстве и прочем. Что касается пространства, то тут дело осложняется тем, что постоянно приходится принимать во внимание три его разных вида: пространство всего мира, пространство вещей этого мира и пространство сознания, пребывающего в мире и оперирующего вещами. Вообще создание Перехода дело неблагодарное, если он не закреплён специальными ритуалами или не является естественным источником. Портальные Свитки обычно помогают избежать проблем с первым при отсутствии второго, представляя собой компактную форму длительной магической церемонии по преобразованию пространства. Однако Конклав запрещал использование портальных Свитков в пределах определенных территорий Равалона. Как всегда особо не распространяясь о причинах. Нет, маги уровня Архиректора наверняка знали эти причины, но чародеи вроде Уолта могли только догадываться.

Город Террокс, где отряд Магистров выполнял задание, располагался как раз на запретной для портальных Свитков территории. Переходы в Терроксе разрешалось создавать только вручную. Впрочем, как заметил Джетуш, для открытия портала в городе было полно идеальных мест. Естественные источники Переходов практически встречались на каждом шагу. И внезапно оказалось, что все они исчезли.

Семеро боевых магов сидели в гостиничном номере и думали. Сидели, точнее, только шестеро. Джетуш расхаживал по комнате и думал. Уолт, Ксанс, Бивас, Бертран и Эльза расселись за круглым столом посреди комнаты. Дайра демонстративно расположилась в кресле в углу комнаты, подальше от остальных.

Уолт снял с себя плащ и наконец-то остался в простой одежде. Штаны и сапоги, рубаха и камзол — что еще надо боевому магу? Только побольше боевых заклятий в ауре и верные товарищи. Сумка со Свитками рядом, складной магический посох под рукой, в одном из Локусов Души заботливо приготовлен схрон с Острым Запасом, и так приготовлен, что, сработай рядом даже орб, пожиратель магии, Уолт все равно с легкостью достал бы меч из привязанного к ауре субпространства. Ну и еще пара магических секретов за пазухой — в переносном смысле слова, разумеется.

Бивас и Бертран были одеты, как и Ракура. Ксанс по неизбывной традиции Ночных эльфов носил облегающую серую одежду с кучей серебряных вставок. Только в левом ухе эльфа поблескивала золотая сережка, которая на самом деле была не украшением, а мощным штурмовым заклинанием.

Эльза предпочитала давать знать, что она Магистр. Обтягивающие кожаные штаны, по которым змеились надписи из рун, неизменно приковывали взгляды местных мужчин, для которых женщина и ворох юбок были неразрывными понятиями. Вместо сорочки магичка носила сплетенную из мелких колец кольчугу. Кольчужная рубашка была создана из мягкого мифрила, сплава, недавно открытого гномами. Он стоил безумное количество денег из-за своих качеств, делающих его практически невесомым, но не менее крепким, чем традиционный мифрил. Именно поэтому кольчуга не наносила вреда коже Эльзы. Поверх кольчуги магичка надела легкую куртку с символом Школы Магии на рукавах — изображением скрещенных волшебных посохов на фоне рун «Sho-lia» и «Maagig». На поясе в ножнах висел маленький кинжал из солнечного золота. Еще одна безумно дорогая вещь. Что ж, внучка королевского боевого мага Олории могла себе позволить подобное. К тому же, Уолт должен был признать, что ей идет этот стиль.

Дайра куталась в плащ, такой же, от которого недавно избавился Уолт. В ее случае Ракура тоже вынужден был признать: черный Бестии шел. Казалось, будто вокруг Дайры клубилась тьма. Это сильно подчеркивало тот образ, который Грантер стремилась создать. И образ подходил ей, что уж тут поделаться. Мрачная, но симпатичная.

Джетуш тоже носил плащ, но не черный, а красный, расписанный самыми разнообразными символами Стихии Земли: от простых пиктограмм карликов до сложных иероглифов Земных эльфов.

Уолт рассеянно вертел в руках ритуальную фигурку бога Гурмеса, Хозяина Всех Путей. Фигурка божка по форме была идентична гурмам, мраморным колоннам с каменной головой на вершине, которые стояли на каждой дороге в Роланских королевствах. Наследие сгнувшей в веках Роланской империи пережило своих создателей. Давно никто не строит новые тракты, давно никто не ставит новые гурмы, но все

равно каменные головы следят за всем, что творится на путях новых государств. И дают возможность магам создавать порталы из любой точки Роланских королевств. Однако почему-то сейчас фигурка не сработала. Эльза и Джетуш провели обряд, создали заклинание — и ничего. Преобразованная ноэзисом чародеев Сила влилась в статуэтку, стремясь использовать ее ноэму, однако гиле пространства даже не шелохнулось.

Совершенно ничего. Прямо как в исследованиях Уолта. Два года он корпел над магическими структурами крови, пытаясь выполнить обещание, данное после боя с одним из самых ужасных чудовищ, с которыми Намина Ракура когда-либо встречался. Целый год Уолту казалось, что он продвинулся дальше своего предшественника, но неожиданно возникли препятствия, преодолеть которые арсенал современной теории и практики магии крови не помогал. А ведь не за горами был конец аспирантуры, экзаменационный Вызов Воплощения элементарей и защита кандидатской. Не говоря уже о множестве иных мелочей, связанных с различными проверками Уолта на пригодность профессии боевого мага. И самая худшая из них — это та, которая с Великими боевыми заклинаниями...

Намина Ракура печально вздохнул. Как тут не вздохнуть, тем более печально? Из Великих боевых заклинаний он сумел овладеть только Разъяренным Фениксом, да и то было запрещено Конклавом. Однако когда толпы Тварей рвутся к Алым равнинам, а вас только двое, на запреты особо не обращаешь внимания. Джетуш обучил Уолта Фениксу за считанные дни, но те дни Ракура не забудет никогда. Такого насилия над Локусами Души нельзя забыть.

— Послушайте, мне одному кажется наше нынешнее задание довольно-таки странным? — вдруг спросил Бертран. Рыжеволосый, плечистый, на лице — печать десятков поколений северян, хирды которых радостно грабили все, что попадалось им на пути. Бертран замечательно смотрелся бы в гуще сражения, рубя своих врагов напополам, от плеча до поясницы. Однако Бертран был миролюбив, а в боевой магии предпочитал больше всего теоретический ее аспект.

— Понимаете, мне город сразу показался подозритель-

ным, — продолжил Бертран. — Ну как бы объяснить... Он же никакой!

Уолт согласно кивнул. Город действительно был никакой. Серые дома, серые улицы, серые площади. Только огромные склады гильдии выбивались из серого бытия города, колоссами возвышаясь над домами. Даже ратуша, центр городской власти как-никак, выглядела неприметной. В первый день пребывания боевых магов в Терроксе бургомистр, в чьи обязанности входила встреча официально прибывших чародеев, сам пришел в гостиницу и скромненько поскребся в двери. Тихая, меланхоличная личность, по сути. Он печально поприветствовал Магистров, будто уже тогда догадывался, что им за работу полностью не заплатят (а может, знал, ведь представительство гильдии под боком не первый год), и осведомился, не нужно ли им чего. Фигурой и тоном голоса он прямо-таки умолял, чтобы нужно ничего не оказалось. Уолту его даже стало жалко, хотя чего жалеть первое лицо города? Магистры ничего не потребовали, и бургомистр, печально улыбнувшись, пригласил их заходить в ратушу, если будет время. Фигура и тон при этом не изменились.

И вроде пересечение дорог рядом, все условия для развития, но жизнь здесь кипела только в представительстве Торговой гильдии. Смертных на улицах было мало, раз-два и обчелся, а в гостинице номер занимали только они, Магистры, да приезжие купцы. Хотя, стоит отметить, по вечерам в кабаках сидела масса народу, и гулял люд обычно всю ночь.

— Не обращайтесь внимания, — отмахнулся Джетуш. — Обыкновенный город контрабандистов. А гильдия им потворствует, доля у нее в этом несомненно. Однако думаю, до королевских служб кое-какая информация скоро дойдет, — он нехорошо улыбнулся.

Уолт невольно посочувствовал Торговой гильдии Великой Франкии. Джетуш был оскорблен — а оскорблять Земного мага остерегались даже Младшие Владыки элементарей. В магическом мире все знали историю о том, как исчезла гора Арай из Ничейных земель вместе с Каменными Змеями, посмеявшимися над смертным, который по-хорошему предложил им никогда больше не появляться вблизи южных деревень Когессы и не посягать на крестьянский скот и самих крестьян. В горе еще оставался *отпечаток* бога, некогда оби-

тавшего в ней и исчезнувшего по непонятной причине, и Каменные Змеи всю пользовались остатками его Силы. Точнее, пользовались, пока на склонах Арая не появился Джетуш Малауш Сабиирский.

— Надо понять, почему пропали потенции порталов, — сказал Ксанс. — С чем это связано. Дело может быть и не в нас, не так ли?

— Думаешь, совпадение? — недоверчиво спросил Бертран.

— Может, и совпадение, — не дав ответить Ксансу, сказал Джетуш. — Я уже проверил. Никакой волшбы, направленной против нас. Потенции порталов исчезли... ну, если прибегнуть к метафоре, то они исчезли, как иссякнувший родник. Природа забрала их обратно в свое лоно. Никакой магии.

— А если это не магия смертных? — Уолт выразительно помахал фигуркой.

— Боги? Зачем им это понадобилось?

— А вот это мы и должны понять, прежде чем... прежде чем начнутся другие странности. — Уолт поставил фигурку на стол. Да, если это Бессмертные, то лучше заранее приготовить.

— На Прорыв не похоже, — задумчиво продолжил Ракура. Остальные аспиранты с завистью покосились на него, даже Дайра. Он был единственным из них, кто участвовал в закрытии Прорыва Тварей. А для боевого мага закрыть Прорыв означало многое. Это практически сдача всех тестов на квалификацию, разве что неофициальная. Считалось, что Уолт получил доступ в некоторые недоступные для общего пользования отделы библиотеки Школы как раз по причине закрытия Прорыва на Алых равнинах. Ошибались, правда, но Уолт поддерживал эту версию. Знать, за какие заслуги перед Школой Архиректор позволил Ракуре листать некоторые запретные фолианты, широкой общественности было незачем. Совершенно.

— Если ты имеешь в виду классический Прорыв, то да, не похоже, — сказал Джетуш. — Однако сразу замечу, что и на неклассический тоже. Если, правда, нам не повезло повстречать новую разновидность.

— Фюсис, боги, убоги, — перечислил Уолт. — Если Фюсис, то, как я понимаю, мы спокойно можем покинуть город в дилижансе. Если боги, то я живо поймаю святошу и застав-

лю его испросить для нас защиты у Грозного Добряка. Пообещаю ему, что расскажусь, приму постриг и уйду миссионером в Преднебесную империю, обращать тэнгу в истинную веру. А если убоги, то опять же обратимся к святоше, и стоит Разрушителю здесь появиться, как Грозный Добряк самолично явится отдубасить нарушителя Договора. Он их, если не знаете, очень не любит.

— В последнем случае от Террокса камня на камне не останется, — покачал головой Джетуш. — Нет, Уолт, если это Бессмертные забавляются, то нам нужно уходить подальше от города. Жителей наши проблемы затронуть не должны.

— Если только... — вдруг сказала Дайра и замолчала.

— Да, Дайра? У тебя есть версия?

Стоит заметить, что Джетуш, хоть и был холоден с Грантер, но не игнорировал. Уолта Дайра раздражала, и ему нередко приходилось сдерживать эмоции, если он был вынужден общаться с Бестией. Гордость и гордыня — вещи разные, и если первое Ракура уважал, то второго терпеть не мог. А в Дайре бурлила гордыня напополам с уверенностью, что она переплюнет в Великом Искусстве всех магов Равалона. Поскольку все, кто не Дайра, дураки и вообще. Тем не менее, ведя практические занятия по боевой гидромагии, Уолт старался оценивать Дайру объективно. Как-никак должность младшего преподавателя обязывала.

— Если только дело не в самом городе, — сказала Темная Бестия. — Это как в книге Тулкара Небесного. Пропавшие города. В них тоже исчезали источники порталов.

— Пропавшие города? — нахмурился Джетуш.

— Что еще за книга Тулкара Небесного? — спросил Бивас. — Никогда о такой не слыхал.

— Не удивительно. Она написана не на всеобщем языке, а на высокой макатыни, которую сейчас знают только те, в чьих жилах течет благородная кровь, а не такие, как ты, — бросила Дайра в ответ.

«Она нервничает», — подумал Уолт. В присутствии Джетуша Бестия обычно не позволяла себе подобных выпадов.

— Я знаю высокую макатынь, — сообщил Бертран. Дайра злобно глянула на него. — Нас ей жрец Граммара в приходской школе обучал. А книга Тулкара Небесного — это напи-

санный двести лет назад придворным магом Тагбора свод мифов о магии Небесного Града и Нижних Реальностей.

— Я как-то листал эту книгу, — кивнул Джетуш. — Скучная вещь, стоит сказать. Куча сплетен и ни одного научно подтвержденного факта.

— А у нас в Ночных лесах все знают, что Тулкар, когда приезжал на наши лечебные источники, просто украл книжку сказок и переделал в этот свой свод, — не преминул сообщить ухмыляющийся Ксанс, стараясь не смотреть в сторону Дайры.

— Вот даже как? — удивился Джетуш. — Ну, боги ему судьи. Если честно, я смутно помню, что там говорилось о пропавших городах. Дайра, не могла бы ты осветить этот вопрос?

— Что здесь освещать? Пропавшие города — это пропавшие города. Цитадели эльфов, гномьи крепости, человеческие поселения, которые однажды просто исчезли вместе со всеми населявшими их смертными. А в некоторых городах пропали только смертные. Пустынные улицы, пустые дома, все говорит о том, что они спокойно начали новый день — и в один миг исчезли.

— Ага, — Ксанс довольно закивал. — У нас баллада такая есть. О Пирусе Храбреце и Черном городе. Пирус как-то во время своих путешествий попал в Черный город, где никого не было. И вот идет он по городу, а тут его...

— Подожди, Ксанс. Дайра, ты говорила, что перед исчезновением городов пропали источники порталов. В той книге, которую я листал, об этом не было ни слова, это точно, такое запоминается.

— Это потому, что в библиотеке Школы неполная версия книги Тулкара. Единственный полный экземпляр, написанный *самим Тулкаром*, — тут Грантер бросила на Ночного эльфа уничижающий взгляд, — хранится в сокровищнице короля Тагбора, и читать его могут лишь избранные. Тулкар писал, что подобное событие свершилось и при его жизни. Тогда в Тагборе исчез пограничный гарнизон, полностью исчез, с казармами и пристройками. Тулкар проводил расследование и был удивлен отсутствием источников для Перехода. И он предположил, что подобным образом обстоит дело и в пропавших городах, ведь в них жили Великие маги, спо-

собные в случае непосредственной опасности открыть Переход и уйти.

— Это тоже может быть проявлением Фюсиса, — задумчиво сказала Эльза. — Мы до сих пор не знаем, как появляются Заводы. Возможно, это действительно изначально части нашего мира, выдавленные из него.

«А она голова. Палец даю на превращение, что никто, включая Джетуша, о Заводах не вспомнил!» — подумал Уолт. Да, Заводы. Автономные субпространственные континуумы, выражаясь научно. Альтернативное название прижилось, когда Скользящие, маги, специализирующиеся на путешествиях в другие реальности, в ином измерении набрали на пространственные образования, которые в том мире так и назывались: Заводы. Целые острова с холмами, равнинами, лесами, горами, реками, озерами, зверями и птицами, а иногда еще и с разумными смертными. И висели эти острова над некой синеватой бездной без начала и конца, одновременно являясь и не являясь частью Равалона. Попасть в них возможно было только через порталы. Все дело в метрике пространства и материи как структуре отображения конечных единиц бытия — именно так однажды сказал Уолту Алфед Лос, когда они сидели в таверне. Уолт запивал пивом очередную неудачу в эксперименте, а Алфед просто говорил, даже не обращая внимания, слушает его товарищ или нет. Впрочем, Алфед разбирался в таких тонких материях, в каких Ракура мог честно признать себя полным профаном, и поэтому Уолт всегда его слушал.

Больше всего этих внеположенных основному миру кусочков пространства-времени располагалось в Снежной империи. На Ундориане это государство, по сути, занимало небольшую часть суши, протянувшись тонкой полосой от Эквиллidora и Пограничья к Ледяному морю. Но, учитывая Заводы, которые Снежная империя завоевала, размерами *всех* территорий страна могла сравниться с Серединными землями. А это, знаете ли, немало.

— Предположим, Заводь. — Джетуш согласно кивнул. — Однако есть одна неувязочка со всеми нашими теориями. Одна потенция портала все-таки осталась. Мои элементали только что ее обнаружили.

Земной маг взмахнул рукой. Над столом появилась светя-

шаяся модель города. Уолт присмотрелся. Масштабы выдержаны точно, вот гостиница, вот представительство, вот ратуша, а вот злополучные склады. А красная мерцающая точка в длинном полуторазэтажном здании неподалеку от ратуши, стоит полагать, источник портала, о котором говорил наставник.

— Что скажете? — Земной маг внимательно смотрел на подопечных.

Бертран высказался в том духе, что это странно, что все потенции Переходов пропали, а эта осталась. Бивас прямо сказал, что перед ними ловушка и надо идти бить всем морды. Ксанс предположил, что порталы возвращаются, и этот — провозвестник остальных. Дайра предпочла отмолчаться. Эльза, хмурясь, заметила, что, вероятно, Бертран и Бивас правы.

— Уолт?

— Смутные предположения, учитель. В магии пространства загадок не меньше, чем в магии крови. Но что-то мне подсказывает, что портал может дать нам ответы на все интересующие вопросы. — Уолт подумал и добавил: — Если мы все-таки не решим воспользоваться дилижансом.

— А мы им не сможем воспользоваться, — спокойно сообщил Джетуш. — Я послал несколько элементалей на разведку. Вокруг города непроходимый Коловорот, вплоть до неба. Такого уровня, что и Архиректор заблудится, и не в трех, а в одной сосне.

— Значит, у нас нет выбора, учитель. — Уолт решительно поднялся. — Нужно идти к источнику. Если времени в обрез, а я предлагаю считать, что в обрез, то лучше мы подготовим все на месте, будь это хоть Заводь, хоть Бессмертные.

— Согласен с Уолтом! — выпалил Бивас. — Покажем тут всем, где раки зимуют!

— Если появится бог или убог, Бивас, то, боюсь, показательные демонстрации пройдут с осложнениями. — Джетуш хмурился. Уолт понимал его чувства. Будь Земной маг один, он бы уже плел сеть боевых заклинаний вокруг потенции портала, готовясь к самому худшему. Но Джетуш отвечал за них. За чародеев, которые и первого разряда по боевой магии еще не получили. И если что-то случится, если они в Терроксе останутся навсегда, а Земной маг выживет, то он никогда себе не простит происшедшего.

Но ничегонеделание могло закончиться тем же. Джетуш

отлично это понимал. Как и Уолт. Он внимательно смотрел наставнику в глаза. Молодой и старый Магистры прекрасно обходились без телепатии. Когда земля стонет, небо визжит, Многогранные Щиты трещат и разлетаются один за другим, а Твари вот-вот прорвутся, и их так много, что не помогут и доспехи Святой Защиты, и только Разъяренный Феникс, выворачивая Локусы Души наизнанку, способен снести Кокон, откуда все прут и прут убожьи порождения, и вы наконец его создали...

После такого можно обойтись без слов.

«Мы справимся. Не можем не справиться...»

Главное самому в это верить. Да, Уолт?

— Так или иначе, выбора у нас нет. — Джетуш отвернулся, тяжело вздохнул. — Нам придется идти к источнику.

— Будем создавать Круг? — тут же деловито поинтересовался Ксанс.

— Свитков у нас немного, но тех, что есть, может хватить для Печати Времени, если переработать их маговектор. — Бертран уже рассчитывал, как сражаться, если что, с Бессмертным. Печать Времени. Заклинание, требующее много Силы, но в результате способное заморозить время даже для Бессмертного. Волшебство из арсенала Магов-Драконов, первых смертных чародеев, решивших потягаться с богами. Впрочем, имелись средства и помощнее. Уолт узнал о них, посидев в малодоступных отделах библиотеки, и потом не раз об этом жалел: Архиректор наложил на него заклинание, которое должно было спалить мозг Ракуре, вздумай тот болтать о разработках Школы и Конклава. Впрочем, Эвиледаризаруке-радин милостиво пообещал избавить от заклинания, когда Уолт достигнет второго разряда и будет подключен к этим самым разработкам. Оставил свободу выбора, понимаешь...

Так или иначе, но сейчас команда Магистров способна создать только Печать Времени. Достаточной для заклинания Силой обладает Джетуш, а в создании необходимых сложнейшихмыслеобразов незаменим Бертран — в конструированиимыслеформ рыжий превосходил некоторых боевых магов первого разряда, не говоря уже о товарищах по команде. Хотя с помощью Эльзы и Дайры дело пойдет еще быстрее.

А Уолт с Ксансом и Бивасом, по всей видимости, займутся

Кругом. Уолт трезво оценивал свои способности и понимал, что в данной ситуации стоит заняться той работой, с которой он справится лучше всего.

— Подождите! — Джетуш мрачно посмотрел на своих подопечных. — Хорошо уясните, что мы отправляемся не на увеселительную прогулку. Нас, возможно, ждет бойня. Возможно, кто-то погибнет. Мы должны быть предельно осторожны. Это не Когесский карнавал. Это даже не Прорыв, а вообще непонятно что. А непонятно что хуже всякого Прорыва, потому что с ним совершенно неясно, как бороться.

— Живем лишь раз, — пожал плечами Уолт. И осклабился: — Неужели думаете, что мы пойдем на убой как безвольные коровы? Учитель, уж кто-кто, а вы знаете, на что способен каждый из нас! А мы знаем, на что способны вы. С вами хоть в Пятый Круг Нижних Реальностей — щекотать пятки Архилорду!

Главное — скалиться и вещать бодрую чушь. Чтобы мрачные мысли не мешали работе. Чтобы остальные взбодрились. Чтобы просто эта дурацкая атмосфера ушла, исчезла, сгинула...

— Он прав, командир. — Бивас стукнул Уолта кулаком в плечо. — Хрена лысого мы погибнем!

— У меня дома еще куча дел, учитель. — Ксанс вскочил, огладил куртку. — За фамильным деревом следить, на симпатичной эльфиечке жениться. Мне погибать незачем.

— А я еще до конца не обосновал возможность создания заклинания Уничтожения Всего Мира, — задумчиво протянул Бертран.

Эльза просто рассмеялась. И этого оказалось достаточно, чтобы парни выпятили подбородки и принялись грозно поглядывать в окно на улицу, словно именно там находился осязаемый неприятель, которому можно накостылять по шее. Уолт улыбнулся и...

Ракура вздрогнул, удивленно моргнул. Какая-то мысль только что ушла из сознания, простая мысль, которую он, однако, никак не мог вернуть.

— Идиоты, — проворчал Джетуш, обводя взглядом ухмыляющихся молодых магов. Посмотрел на угрюмую Дайру.

— Да я скорее сама схохну, чем дам себя кому-нибудь убить! — выпалила Грантер.

— Хорошо, если вы решились, то пора приступать. — Джетуш совершил несколько пассов руками, и модель города превратилась в модель площади, где мерцал источник портала. — Слушайте внимательно...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Учитель, мне кажется, или *этого* ваш план не учитывал? — спросил покрасневший Ксанс, рассеивая Вторые Глаза, заклинание магического зрения, позволяющее чародеям видеть магические потоки и смотреть сквозь физические преграды.

— А может, и учитывал... — пробормотал Уолт, поглядывая на Земного мага. Джетуш Вторые Глаза убирать не спешил и радостно пялился на терму. А точнее, внутрь термы. Местом, где осталась одна-одинешенька потенция портала, оказалась общественная баня. И сегодня в ней был женский день.

За термой, было заметно, следили и ухаживали. Если большинство строений в городе выглядели старыми и даже заброшенными, то терма казалась только что построенной. Хотя она и не была ровней складам Торговой гильдии, но заметно выделялась среди остальных зданий. Стены покрыты мозаикой, мраморные колонны на входе сияют. Вдоль стен расположены скульптуры, растут цветы. Бронзовые двери и окна тщательно отполированы. Смотришь, и кажется, будто Роланская империя никуда и не исчезла, что сейчас зазвучит на улице благородная макатынь, и присланные из Ролана седовласые управители города в белоснежных тогах неторопливо поднимутся по ступеням, дабы обсудить дела политические и культурные.

Однако стоило взглянуть на грязную улицу, посмотреть на унылые лица немногочисленных лавочников на площади, стоило только оглядеться вокруг — и призрак древнего Ролана мгновенно растворился в серости города.

— Ученики, неужели не понятно, что я вношу необходимые корректировки в начальный план? — Джетуш, продолжая смотреть на терму, махнул рукой, подзывая Грантер. —

Кое-что придется поменять. Дайра, ты сейчас зайдешь в баню, и всех оттуда выгонишь.

— А почему я? — возмутилась Бестия.

— Остальные, видишь ли, хм... мордами не вышли. Тебе повторить приказ?

— Не надо.

Поручение Дайра выполнила. Со всем прилежанием. Вложив в него всю душу. И конечно же желая подразнить Джетуша. Не прошло и минуты, как магичка зашла в баню, — из здания с истошными воплями начали выбегать женщины. Многие неслись в чем мать родила, заставив Ксанса стать совсем пунцовым, Бертрана ухмыльнуться, а Биваса... Бивас был занят важным делом: готовил Четырехфазовое заклинание Стихий, и какие-то там голые бабы не могли отвлечь Магистра от подготовки к желанным разрушениям.

— Учитель... — Уолт вежливо потянул Земного мага за плащ. Джетуш с сожалением прекратил созерцать нагой марфон и раздраженно проворчал:

— Да-да, помню. Бертран, усыпи лишних свидетелей.

Под лишними свидетелями Земной маг имел в виду лавочников, которые сейчас, разинув рты, смотрели вслед убежавшим женщинам. Кроме торговцев возле бани больше никого не было. Только боевые маги, изменившие обличья. Каждый, кто смотрел на них, видел перед собой только семерку гномов с выделявшимися на фоне темных камзолов и штанов серебряными поясами Торговой гильдии Великой Франкии. Кроме фальшивых личин Джетуш позаботился и о том, чтобы в гостинице остался морок, изображавший пьянку Магистров.

Бертран блестяще справился с задачей, окутав лавочников синеватыми облачками, отправившими их в страну сновидений. Магистры покинули находившуюся на другой стороне улицы от бани торговую палатку, владельца которой незадолго до этого усыпили, прошли через площадь, по которой только что пронеслись нагие женщины, и вошли в баню.

Терма выглядела великолепно и внутри. Внутренний коридор выдраен до блеска, журчат небольшие фонтанчики, орнаментальные росписи покрывают стены. Везде чистота и порядок. Обязательные для всякой термы статуи богини Яхирь, омывающей водой из кувшина своих детей, здесь име-

лись в предостаточном количестве. Уолт насчитал штук десять, не меньше. А не перебор? Хоть Яхира и являлась покровительницей чистоты, как физической, так и духовной, но столько культовых изображений в одном месте — это скорее уже храм, а не терма...

Что-то мелькнуло в сознании Уолта. Какая-то догадка. Она была близко, но он никак не мог ее поймать.

— Поторопимся, — сказал Джетуш. — Женщины голышом здесь, скорее всего, не каждый день бегают. Скоро появятся стражники, а с ними нам иметь дело не стоит.

— Почему, командир? — удивился Бивас. — Один пульсар — и всего-то делов!

— Один пульсар... — проворчал Джетуш. — Это у тебя в голове один пульсар. Вместо мозгов. У здешних полицейских орбы. С клеймом Конклава. Не заметили, что ли? Я так и думал. Вам еще лет сто нужно, чтобы стать хорошими боевыми магами...

— Но откуда у простых полицейских орбы Конклава? — Уолт нахмурился.

— Хороший вопрос. Хотел бы я знать ответ.

Они уже почти подошли к тому месту, где Земной маг ощущал потенцию портала. Из соседнего коридора, ведущего в тепидарий, помещение со слегка теплой водой, появилась Дайра.

— Приказ выполнен, учитель, — сообщила она.

— Мы заметили, — сухо ответил Джетуш, не останавливаясь. — Чем это ты их?

— Иллюзией, — Дайре пришлось ускорить шаг, чтобы успеть за Земным магом. — Простой иллюзией без всякой сенситивности. Люд здесь к такому не привыкший, это не столица Тагбора, где первоклассные фантомы на каждом шагу.

«Потрясающе. С людей она перешла на города...» — подумал Уолт. Они вышли в просторный зал с рядами лавок и маленькими столиками. Здесь после парилки и ванн можно было предаться разговорам по делу или просто так. Особо этот зал выделялся тем, что в бронзовые переплеты огромных полукруглых окон, расположенных под самым потолком, были вставлены тонкие пластинки из полупрозрачного камня цвета слоновой кости. Из-за этого зал будто освещался ровным золотистым светом. Но кроме этого весь пол и

потолок покрывали изображения Яхиры, на столиках стояли маленькие кувшинчики, один в один похожие на тот, который богиня держала в руках, а на стенах мозаикой было выложено ее имя на макатыни.

— Вот в чем дело... — протянул Ракура.

— Что ты заметил? — Наставник, как всегда, сразу уловил главное.

— Вся терма, по сути, один огромный символ Яхиры. Образов и знаков настолько много, что они, уверен, связаны с богиней эфирными нитями. Можно только удивляться, что нас еще не встретила она сама.

— Да. — Эльза замерла и коснулась ближайшего изображения Яхиры. — Я чувствую... вибрация Порядка... Здесь все условия для божественной эпифании.

— Что бы за Сила ни накрыла Террокс, она не совладала с божественным Эфиром. — Уолт обвел взглядом помещение. — Сакральный семиозис Силы просто зашкаливает. Тут достаточно малейшей мыслеформы истинно-святого, чтобы раскрыть Врата в Небесный Град.

— Ну, среди нас таковых нет. — Джетуш слабо улыбнулся. — Так что план остается прежним. Зато хотя бы понятно, кто решил затеять эту игру.

— Кто же?! — Взор Биваса пылал такой страстью к битве, будто Магистр собирался не только разобраться с неведомым противником, но и достать всех его родственников до седьмого колена.

— Убоги, — ответил вместо наставника Уолт. — Или убог. Божественная Сила ближе к магическим энергиям Природы, и символика Яхиры не помешала бы Фюсису забрать свой портал. Но не прямое влияние убогов, с которыми мы, по всей видимости, имеем дело, совладать с божественными эманациями не в силах. Это место воистину символ чистоты, раз смогло выдержать чары Нижних Реальностей.

— Будем надеяться, что так оно и есть. — Джетуш сосредоточился. — Все помнят, кто что должен делать?

Магистры кивнули.

— Тогда начнем.

Бивас, Ксанс и Бертран принялись плести сложное многосоставное заклинание, сконцентрированное на цепи Четырехфазок. Уолт даже вздрогнул, ощутив, с какой скоростью

Бертран обрабатывает мыслеобразы товарищей, переводя их ноэзисы в единое взаимодействующее целое. Бертран сейчас выполнял самую трудную работу. Гиле, ноэма и ноэзис. Три составляющих любого чародейства. Гиле — это материал, вещество, элементы, которые использует маг. Ноэма — Источник Силы, к которому маг обращается, природный, божественный или убогский. Ноэзис — те действия, которые маг производит, чтобы соединить ноэму и гиле, как мысленные, так и физические. Ритуалы, обряды, песнопения, вербальные означающие заклинаний, сложные образы, созданные при помощи воображения, и тому подобное — все это элементы ноэзиса. Чем опытнее и могущественнее маг, тем меньше элементов ему необходимо. Это, впрочем, не отменяет факта, что ноэзис самая сложная часть магического процесса. Чародей может быть способен вызывать к Изначальным Силам, способен работать с материей мироздания на уровне Эфира. Но если при этом маг не может создавать мыслеобразы, ментальные формы, которые переводят магические энергии окружающего мира в личную Силу волшебника, то и Изначальные Силы, и Эфир ему не по зубам.

Грантер бегала по залу и кинжалом чертила на стенах Фигуры, больше всего похожие на переплетения рун и иероглифов. Следом за ней шла Эльза, вливая в знаки Силу. Фигуры наливались багрянцем, и вскоре весь зал утонул в багровых тонах.

Уолт и Джетуш делали то же, что и недавно. Проводили обряд для открытия портала. Но в этот раз все обстояло иначе. Джетуш изменил ноэму, из которой они брали Силу. Теперь это был не Гурмес.

Потенция естественного портала зачастую проявляет себя самым неожиданным образом. Переход способен раскрыться, например, в старинном шкафу или кроличьей норе. После попадания в естественный портал может произойти что угодно, начиная от совершенно ничего, кончая путешествием в другой мир, где вас могут схватить кошмарные, одетые в броню твари с могучими крыльями. Опытные маги конечно же заставят любой портал работать как нужно. Особого успеха в этом добились Скользящие, работающие на Конклав и Школу Магии, могущественные чародеи пространства, которые частенько отправлялись в другие реальности для изыска-

ния любопытных артефактов или подписания договоров о сотрудничестве с иномировыми магическими орденами и гильдиями. Однако, подчинив себе пространственные туннели, чародеи все равно не имели ни малейшего представления об их природе. Любимым сравнением Уолта для данной ситуации был образ шамана, который использует молнию для колки орехов. Не по делу, но орехи-то раскалываются!

Стоило признать: Конклав не просто так запрещал работать с естественными порталами. Хоть самодуров и глупейших ограничений Высший совет наплодил немало, но часто эти ограничения основывались на большой крови, которой могло и не быть, появивсь запреты раньше.

Ладно, Уолт. Не о том думаешь. Сейчас все внимание надо сосредоточить на другом...

Фиолетовый зародыш Перехода первым заметил Ксанс, негромко свистнул и кивком головы указал на появление портала. Небольшой, величиной с кулак овал возник из ниоткуда посреди зала и принялся стремительно увеличиваться в размерах. Подул ветер, принес с собой запах березового сока.

Уолт внимательно следил за порталом. Его главной целью сейчас было удержать Переход. Любой ценой. Даже если заклятия будут рвать тело на части, а сознание обратится в сгусток безумной боли.

Джетуш сосредоточенно оглядывался по сторонам.

Если кто-то хотел помешать Магистрам, то сейчас наступил самый подходящий момент. Портал был нестабилен, еще не принял форму, достаточную для Перехода. Да, боевые маги приготовились к встрече неожиданных гостей, но если эти гости Бессмертные, то они выдержат минуту-другую те неприятные ощущения, которые может доставить им Печать Времени, и некоторые заклинания, на которые способен экселенц магии Земли.

Но никто не появлялся. Овал увеличивался, и вместе с ним росло напряжение.

Уолт мельком глянул на тройку готовивших Четырехфазки Магистров и поразился. Они сотворили уже двадцать пять Четвериц! Двадцать пять заклинаний, в которых одновременно присутствовали все четыре основных Стихии!

Пределом лучшего из боевых магов было создание десяти Четырехфазок. Для них, только заканчивающих аспиранту-

ру, пяти. Бертран весь взмок. Он уже помогал своей волшебными жестами, быстро складывая ладони в такие причудливые фигуры, перед которыми южные мудры брахманов являлись простой разминкой пальцев. Великий Перводвигатель, Бивас, Ксанс и Бертран умудрились превзойти не только самих себя, но и опровергнуть один из постулатов боевой магии, гласивший, что на создание Четвериц количество магов не влияет. То есть чем больше ты создаешь Четырехфазок, тем больше Силы у тебя «съедает» каждая последующая. Круг Чар, считалось, в этом деле не поможет. Ан нет! Помог... Или...

Или что-то было не так.

А что-то явно было не так.

Потому что выругался Джетуш, употребив такое черное богоульство, которого от него Ракура не слышал даже во время Закрытия Прорыва, когда неисчислимый поток Тварей окружил их, а энергия Доспехов Святой Защиты была уже на исходе.

— Бертран! — завопил Ксанс, с ужасом глядя на соратника.

Бертран продолжал манипулировать ноззисами, без остановки создавая новые Четверицы. Он побледнел, пот лился с него ручьем, маг силился что-то сказать и не мог. Новое Четырехфазовое заклинание Стихий выжрало из него слишком много Силы. Бертран должен был остановиться на этой Четверице. Обязан был остановиться. Дальше его Локусы Души просто стали бы забирать энергию уже у организма, а не из оскудевшей ауры.

Но Бертран не остановился, несмотря на хлынувшую из носа кровь. Дрожащими руками он начал складывать новый Жест. И Сила в Четверицу хлынула, вытягивая ее из тела Магистра.

— Остановись! Хватит! — закричал Ксанс.

— Разорвите Круг! — рявкнул Джетуш. — Немедленно!

— Мы не можем! — крикнул Бивас. — Круг не отпускает!

— Проклятье!

— Учитель! — взвизгнула Дайра. Она снова подбежала к стене и стала чертить на ней Фигуру. — Учитель, я не могу остановиться!

— Я... — Эльза, побледнев, двигалась следом за Грантер, щедро подпитывая новый магический символ Силой. — Я чувствую чужую волю!

— Проклятье, — повторил Джетуш и посмотрел на Уолта. — Что с порталом?

— Продолжает открываться.

— Бросай.

— Что?

— Прекращай его открывать. Немедленно.

Делать нечего. И так понятно, что план летел в Тартара-рам. А ведь все зависело именно от открытия Перехода. Появись в этот момент тот, кто все это затеял, даже бог или убог, и объединенного удара Четверицами и энергией Фигур хватило бы затолкать его в пространственный туннель. Уолт в свое время тщательно проштудировал все доступные (и почти все запретные) источники, которые рассказывали о возможных способах усмирения убогов и борьбы с богами. Он узнал много нового, о чем даже не мог помыслить. Например, сейчас у команды Магистров хватило бы Силы забросить любого явившегося Бессмертного в Переход. Когда Бессмертный выходит из измерения Небесного Града или Нижних Реальностей, то на краткий миг его аура, что дарит Бессмертие, сотрясается от смертных истечений мироздания, которые обрушиваются на носителя Онтологического Эфира. И в этот миг, пока Эфир выдерживает тяжесть смертного мира, обращаясь в Онтический, чары магов способны оказать наибольшее физическое воздействие на бога или убога. А на другой стороне портала Бессмертного уже ждали бы. В Школе Магии, куда и вел Переход. Встретили бы с распростертыми объятиями. Архиректор Эвиледаризарукерадин, сам полубог по олорийскому богу Солнца, терпеть не мог, когда кто-то из бессмертных родственничков влезал в дела его подопечных. И подготовил на этот случай пару сюрпризов. Узнай об этих сюрпризах Конклав, попытался бы засадить за решетку уже Архиректора, а то и казнить. Чернейшие из Черных магов ужаснулись бы созданным за долгие годы заклинаниям главы Школы.

Но это произойдет только в том случае, если открыть портал. А Джетуш приказал противоположное. Уолт привык доверять своему наставнику. И поэтому Ракура одним махом перекрыл путь энергиям, текущим из Локусов Души в заклинание, поддерживающее Переход. Точнее, хотел перекрыть. И не смог. Сила продолжала течь в пространственные чары.

Вот убогство! Вот в чем дело! Они просто не могут остановиться. И Бертран, и Дайра, и Эльза, и Уолт, и, видимо, остальные попали в ловушку. Хитроумную ловушку. Им не давали прервать создание чар. И заставляли плести все новые и новые заклятия, теряя Силу до тех пор, пока... Пока что? О такой магии Уолту слышать не приходилось. Но если Сила исчезнет, а творение чар не остановится, то заклинания просто пожрут жизненные силы магов.

Уолт стиснул зубы, посмотрел на Джетуша и покачал головой.

— Не получается.

— Ясно... — Джетуш прищурился. — Не хотел я к этому прибегать, но, видимо, придется...

На краткий миг стала видна аура Земного мага. Уолт зажмурился от яркого света, затопившего комнату. В следующий миг зал затрясся.

Земной маг начал создавать еще одно заклинание, продолжая вместе с Уолтом поддерживать заклятия для Перехода. Ноэмой для портала заранее было решено выбрать энергетические потоки земли. Уолт справедливо рассудил, что хотя работать с геознергией для создания Перехода, где нужны энергии Дороги, будет сложно, но при необходимости наставник сможет резко увеличить свою Мощь.

Резонанс между аурой Джетуша и Силой, которой с ним делилась земля, был настолько велик, что от плотности сырой магии, расплескавшейся в зале, начали трескаться стены. Зато Бертран перестал дрожать, лицо парня порозовело. Джетуш плеснул в его ауру Силу, и Магистру сразу стало легче.

«Но что дальше? — подумал Уолт, продолжая попытки прервать заклинание Перехода. — Наставник накапливает Силу, но если он так продолжит, то просто развалит баню. И где этот убоговский убог, если он есть?!»

Рост портала достиг той точки, когда сквозь него мог пройти даже огр. Стандартный размер. Обычное заклинание Перехода прекращало свое действие именно в этот момент, стабилизируя пространственный туннель. Но созданный Магистрами портал продолжил расти.

«Убогство!» — Уолт понял, что магическая энергия начала расходоваться быстрее, хоть Джетуш и подпитывал его Си-

лой. Переход увеличивался и требовал энергии больше, чем обычно.

— Учитель! Портал!

Джетуш, который в это время протягивал канал для подпитки Силой Эльзе, резко взглянул на фиолетовый овал, уже достигавший верхушкой потолка, и его лицо перекосилось.

— Проклятье! Нас переиграли!

И Джетуш Малауш Сабиирский заорал. Заорал во всю глотку. Так сильно, что у стоявшего рядом Уолта чуть не заложило уши. Посторонний наблюдатель решил бы, что Земной маг сошел с ума, но Ракура знал: наставник прибегнул к волшебству, которое обычно не решался использовать.

Магия горных троллей строилась на подчинении камня. Если для гномов горы были некимместилищем Души Земли, то горные тролли оказались куда прагматичнее. Горы — это просто куча камней. А камни — это просто разобранная на кусочки гора. Так считали тролли. Поэтому каждый камень потенциально является горой, а каждая гора — мелким камушком. И по этой причине любой камень можно при желании превратить в гору. И наоборот. Ракура знал, что когда экспедиция Школы Магии отыскала затерянное селение горных троллей, где еще имелись шаманы, владеющие этой особой магией, Джетуш немедленно туда отправился и провел у шаманов целый год.

И теперь своим криком он создавал заклинание. До безумного рева горных троллей Джетушу было далеко (Уолту как-то раз довелось слышать эти вопли), но дело свое крик делал. Земной маг превращал терму в гору.

Стены начали сереть. С потолка потянулись сосульки сталактитов. Пол под ногами превращался в неровную, изрезанную трещинами каменную поверхность. Резко потемнело, и только нанесенные Дайрой Фигуры освещали происходящее.

«Потрясающе... Великий Перводвигатель, как же нам еще далеко до его уровня!»

Уолт поежился — становилось прохладно.

Джетуш создавал гору, чтобы изменить течение всех магических энергий вокруг. Изменяются потоки Силы — изменится Поле Сил. Изменится Поле Сил — распадутся все за-

клиниания вокруг. В том числе и то, в которое так глупо попались Магистры.

Джетуш орал, его лицо побагровело. Уолт чувствовал, как неуверенно начинают подрагивать Локусы Души, ощущая происходящие с окружающим миром изменения. Еще немного... Еще немного, наставник!

И, словно чувствуя, что сейчас все прекратится, портал начал увеличиваться еще быстрее. Закричала Эльза. Она оказалась ближе всех к Переходу, и фиолетовый овал поглотил ее, зацепив краем. Крик магички оборвался. Джетуш взвыл. Зал, превратившийся в пещеру, заходил ходуном, сталактиты начали ломаться и падать на пол. Портал ярко засветился. Уолт вскрикнул. К его рукам будто приложили раскаленное железо. Сама по себе засветилась аура, будто отзываясь на свечение портала.

Портала, который был уже совсем рядом.

Локусы Души вздрогнули, когда по ним резко прекратила бежать Сила, питавшая заклинание Перехода.

Уолт вскинул руки, готовясь ударить по порталу чем-нибудь поразрушительнее. Портал уже не был созданием рук боевых магов, им управляла чужая воля, и Переход нужно было закрыть любой ценой.

«Но там же Эльза...» — мелькнула мысль и занозой впиалась в сознание.

Эльза. Она погибнет, если ее не спасти! Он что, снова не успеет...

Что? Эльза? Почему он думал о ней как о...

Уолт потряс головой. Что за убожество? Мысли бегали, пытались спрятаться или раствориться, а он посреди магического катаклизма, когда творилось что-то невообразимое, никак не мог решить, что делать! Возьми себя в руки! Ты боевой маг или прогуляться вышел?! Ты должен спасти Эльзу! Потому что...

...Нет...

...Так нельзя...

...Ты не должен вспоминать...

Тысяча убогов!

Фиолетовое свечение ударило по глазам. Замешкавшись, Уолт не успел ударить по Переходу. Мешанина мыслей и странные взбрыки сознания помешали мыслеобразу боевого

заклятия соединить гиле воздуха и ноэму Стихии Огня. В руках Уолта только начала зарождаться огненная сфера, когда фиолетовое сияние окутало его со всех сторон.

Он еще успел услышать, как взревел Джетуш.

А потом...

Интерлюдия

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ — I

— Ублюдки!

Возглас промчался над обрывом. Подхваченный ветром, полетел дальше, играя в переключку с эхом, бедной нимфой, застрявшей в ущельях гор. Аль-сид оглянулся. Нами уселся на торчащий из земли камень, ненавидяще смотря вдаль. Сверток с материальным активатором артефакта, обстоятельно завернутый в чешую Червя Гор и дополнительно смазанный клейкой массой, которую выделяют тигропауки во время течки, грохнулся возле камня. Нами безразлично глянул на него. Казалось, ему плевать, что часть могущественного артефакта, за которым идет безумная охота, валяется под ногами, словно какая-то сломанная игрушка.

Аль-сид прищурился, усиливая свой взгляд, и посмотрел на подножие горы, которое они преодолели утром.

Так и есть. Кубат и его креатуры. Псы, натренированные Братом, чтобы было что противопоставить гомункулусам Сестры. Маги, но не воины. Но хорошие маги, знающие свое дело, особенно кровавое дело, которым живут Он и Она. Маги, способные помешать даже Аль-сиду и Нами, особенно сейчас, когда они прорвались сквозь заслоны северной армии Брата, растеряв большую часть накопленной Силы.

Зомби, созданные из похищенных «бессмертных» Черной империи, оказались крепким орешком. Некромаги Брата постарались на славу, экспериментируя с живой тканью и полумеханическим естеством лучших бойцов Черного Властелина. Если бы они создали подобных андедов раньше, если бы бросили их в котел сумасшествия, что кипел там, где неслась Темная Орда, чуть-чуть раньше. Неизвестно, выстояли бы паладины роланцев, плюнувшие на грызню сенаторов своей империи и неожиданно атаковавшие авангард Темной

Орды всем Орденом, оставив от лучшей части Восточной Армии Брата лишь воспоминания.

Но сейчас Роланская империя в смуте, паладины топчутся на месте, Орден и магистр с гроссмейстерами не знают, что делать. Продолжать сдерживать напор Орды и внезапно показавшего клыки Оболдуя? Или вернуться в раздираемую гражданской войной страну, оставив разбираться с Ордой Эквилитор и Черную империю? А ведь Орден даже не предполагал, что происходит в Северных королевствах и Южной стране!

Аль-сид невесело усмехнулся, поправляя перевязь со вторым артефактом за спиной. А знали ли они? Знали, для чего их создали и для чего воспитывали? Их, не имевших ни отца, ни матери, превращали в воинов... нет, в разящие Орудия в Ее руках.

Брат и Сестра. Он и Она. Сестра дала им картину мира. Брат дал им мир, потому что Она создавала их как противовес Его быстро распространяющемуся по Равалону могуществу. И случай... жалкий, ничтожный, трепещущий на ветру Вечности случай — все изменил. Все могло быть иначе. Прославший им Видения, открывший им глаза на ложь Сестры и Брата — кто он? Неизвестно.

Нами ехидно бурчал, что это, наверное, какая-нибудь Бабушка, пытающаяся сама их использовать. И тяжело вздыхал, потому что знал — сейчас они сами взяли свою проклятую судьбу в руки.

Говорят, слабого судьба скидывает в Реку Времени и заставляет в ней тонуть, захлебываясь собственной слабостью. Говорят, сильного судьба ведет на Равнины Пространства и заставляет вечно блуждать, сгибаясь от собственной силы. Говорят, самый сильный одолевает судьбу, топчет ее в Реке и оставляет бездыханной в Равнинах.

Нами недавно заметил, что стоило бы сначала узнать, что это за судьба такая и почему все должны с ней так тесно общаться. А еще лучше стоило бы с ней договориться и найти того гада, который все так устроил.

— Мы не успеем, — почти прорычал Нами. На краткий миг он потерял контроль над собой, и сквозь Личину молодого светловолосого парня с густыми бровями, сросшимися на переносице и нависающими над сбитым носом, прогля-

нул Облик. Чешуя сверкнула под спешащим к горизонту солнцем — и опять на камне сидел простой разозлившийся человек. Впрочем, не такой уж и простой.

Аль-сид сплюнул. Он родился (если то, что произошло, можно назвать рождением) в Личине ифрита, точнее, в его человеческой ипостаси, и лучше мог управлять собственным Обликом.

— Будешь так себя вести — точно не успеем! — прикрикнул он, не выдержав. — Хватит метить соплями территорию, так нас обнаружат еще быстрее! Мы, конечно, можем использовать...

— Нет! — настроение Нами резко изменилось, стоило Аль-сиду напомнить об артефактах. — Тогда есть шанс, что Они явятся сюда раньше положенного срока!

— А в этом ты прав, предатель! — холодный безжизненный голос обрушился на них со всех сторон, пытаясь пробраться сквозь телесную оболочку и клещами ужаса сдавить то, что смертные кличут душой, не особо и задумываясь — а что это такое?

Аль-сид криво усмехнулся. В отличие от Нами у него не было души. Поэтому изрядно приправленный магией Голос не смог заставить его испугаться. Однако долгий переход и сражения слишком измотали Нами, и парень не смог побороть впившийся в тело и душу страх. Дрожа, он упал возле артефакта, не способный ни применить Силу, ни уж тем более ответить на физическом плане. Но Аль-сид мог ответить. И Силой, и ударом кулака. Мог даже совместить их.

И поэтому, как только Голос стал стихать, Аль-сид мгновенно принял Облик. Огненный цветок расцвел на склоне горы, багровые отблески и беснующиеся тени заиграли на вековых камнях. Пространство задрожало, сжатое энергетической сетью, которая концентрировала Стихию Огня в ключевых точках здешнего Поля Сил.

С той стороны, куда они шли, раздался шорох, и Аль-сид... нет, не повернулся, его Облик позволял не тратить время на подобные глупости. Аль-сид просто перелился в ту сторону. Там, где только что был его пылающий затылок, появилось огненное лицо, а вывернувшиеся руки поднялись навстречу нежданному пришельцу двумя струями пламени, расплавившими часть скалы, нависшей над огненным вои-

ном и Нами. Враг успел поставить защиту, но не полностью, одна из полыхающих капель, образовавшихся при ударе огненных струй о Щит Вечности, попала ему на крыло, и теперь он со сдавленным от боли шипением спустился на склон.

Высокий, под три метра. Широкоплечий, но талия очень узкая. Не привыкший к магии и Силам смертный удивился бы внешнему виду появившегося: правая половина его тела была черна, как крыло ворона Рарри, сопровождающего Ночь, а левая — бела, как бивни нежнокожего слона Властителя богов Юга. Два огромных крыла за спиной контрастно подчеркивали расцветку: правое было белым, а левое — черным. Из одежды на пришельце имелись только кольчужная юбка, защищающая ноги до колен, сандалии и кольцо на шее.

Треугольное, вытянутое вниз лицо несло на себе отпечаток безмятежности. Нет, не безмятежности. Безразличия. Но не того потустороннего к брэнной повседневности безразличия Рахмана, видящего мир в его сущности, к которому стремятся истязающие свою плоть южные голозадые мудрецы. Безразличия такого, когда тебя беспокоит лишь одно — ты сам. Безразличия, которого страшится само бытие, суть которого — делиться и одаривать.

— Аль-сид, — индифферентно произнес пришелец, будто просто отмечая некий факт.

— Ялдабаот, — Аль-сид словно выплюнул попавшую в рот мерзость.

— Разве так встречают старых друзей? — Ялдабаот прищурился.

— Жаль, у меня не было возможности прикончить тебя, пока ты спал. А заодно и ту парочку. Кстати, где они?

— Брат решил, что на вас хватит и меня одного.

— Гм, а Он слишком уверен в такой жалкой псине, как ты! София и Рафаил, по крайней мере, не позорят своим существованием естество Вселенной, *андрогин!*

Лицо Ялдабаота дернулось, и на миг маска безразличия исчезла, явив перекошенное ненавистью лицо. Он резко соединил руки и медленно развел их. Два зубренных меча возникли прямо из его рук, рассекая плоть. Кровь, заструившаяся из разрезов, вопреки законам природы не стремилась упасть на землю, а маленькими ручейками стала растекаться по лезвиям мечей, образуя рисунок единорога.

— Клянусь Великим Эоном, ты заплатишься за свое оскорбление, ничтожный *гомункулус!* — Ялдабаот успокаивался по мере того, как доставал мечи. — Я не просто вобью твои слова тебе в глотку! Ты их переваришь, и они выйдут из твоего заднего прохода вместе с мозгами!

Аль-сид не спешил нападать, усиливая свою магическую зону и распределяя функционалы по складкам и изгибам Поля Сил. Огненный воин отлично знал, что, даже просто доставая оружие, Крылатый очень опасен. Ялдабаот, будучи уверен в своей Мощи, просто колебал Поле, не растрачивая энергию на встраивание в местность. Все-таки хорошо, что Брат разбудил только одного из Кровавой Троицы. Аль-сиду и Нами ничего не оставалось бы, как прикончить самих себя, соберись здесь все Дети Змея. Нет, это большая удача, что здесь только один. Может быть, тогда имеется шанс. Шанс выжить.

Высшее заклинание Аль-сид почувствовал за миг до того, как Ялдабаот атаковал. Мечи Крылатого завертелись с необыкновенной скоростью, в прямом смысле слова превращаясь в сверкающие сферы, на которых проступали бесившиеся единороги. Жажущие поглощать жизни смертных и духов хоботы Черных Смерчей поползли из сфер. Один метнулся к Аль-сиду, а другой устремился к Нами.

Черный Смерч, объединение Изначальной Тьмы и Стихии Ветра. Крылатый, используя магию, удивил Аль-сида. Ялдабаот обычно предпочитал прикончить противников быстрым ударом меча. Но, несмотря на неожиданную магическую атаку, огненный воин отреагировал моментально, благодаря функционалам в Поле Сил, которые успели распознать рисунок заклинания примерно в середине его плетения.

Прямо из воздуха вокруг первого черного хобота начали возникать небольшие частички дрожащих лоскутков пламени. Некоторые исчезали, не выдержав напора свитого в сумасшествии ветра, но другие сцеплялись друг с другом, спешили к прочим огонькам, спасая их от порывов Смерча. Огоньков становилось все больше и больше — и вот горловину Смерча окутала огненная вспышка, устремившаяся вовнутрь. Пламя рванулось к основанию заклинания, к вертевшемуся мечу Ялдабаота, и, достигни огонь своей цели, крылатый посланник Брата мог лишиться руки на продол-

жительное время. Пламя Аль-сида было способно сжечь даже эфирное тело, и Ялдабаоту не стоило недооценивать чары противника.

Аль-сид, ответив на атаку Крылатого, тут же метнулся к Нами. Второй Смерч уже подползал к юноше, но Аль-сид успел ударить прямо в центр черного хобота Огненным Клинком. Огромный, покрытый пламенем меч внезапно расколол синеву небес и обрушился на гору. Мощь Огненного Клинка оказалась так велика, что им можно было остановить небольших размеров армию, но сейчас он только пробил насквозь Черный Смерч, пригвоздив его к скале.

Аль-сид подхватил Нами, собираясь *переместить* его подалее и сражаться с Ялдабаотом в одиночку, не отвлекаясь на товарища, но громкий издевательский смех заставил его глянуть в сторону Крылатого.

— Проклятье! — помимо воли вырвалось у огненного воина.

Первый Черный Смерч не распался под воздействием Огненного заклинания, напротив, Ялдабаот сумел преобразовать устройство заклятий Аль-сида таким образом, что Смерч поглотил пламя. Теперь в чарах Крылатого объединились Тьма, Ветер и Огонь. Пламенный хобот, от которого исходил жар, напоминающий пекло одной из Нижних Реальностей, возвышался прямо над двумя воинами, готовясь обрушиться на них всей своей смертоносной мощью.

— Что ты теперь скажешь, *гомункулус*? — издевательски выкрикнул Ялдабаот. Он явно получал удовольствие от происходящего, его глаза безумно сверкали, а все тело дрожало, как будто предвкушая сладострастное наслаждение. — Нет, что ты теперь сделаешь?

Аль-сид сдержал ругательство, но когда второй Черный Смерч вдруг увеличился в размерах, поглотив Огненный Клинок, растерялся. Растерялся всего на миг, но этого хватило, чтобы Крылатый ощутил его беспокойство и немедленно атаковал в образовавшуюся брешь. Оба Черных Смерча с огромной скоростью устремились к ним, неотвратимые, как удар кинжала Жестокосердного Анубиямануриса, и такие же неумолимые. Время играло против Нами и Аль-сида. Ифрит начал плести Высшее заклинание, уже зная, что не успеет. И когда засасывающие воронки нависли над ними, Аль-сид

подумал, что есть еще одно средство, но он все так же не успевал...

Успел Нами.

Ялдабаот захлебнулся смехом, когда внезапно выросшая перед ним черная чешуйчатая фигура одним безостановочным движением Меча снизу вверх и сверху вниз обрубила ему руки. Клинки упали на нагревшиеся от используемой магии камни. Смерчи с громким свистом распались, успев только коснуться наспех выставленных Аль-сидом Щитов Пламени.

Крылатый, крича, отступил от мрачной фигуры на шаг. Даже Аль-сид ощущал волны злой Силы, толчками расходящиеся от того, кем сейчас был Нами. Не просто Сила — нечто запредельное Силам этого мира. Мощь, которой так боялся Нами, но использовал, когда это оказалось необходимым. Он не только прошел сквозь Черные Смерчи, даже царапины при этом не получив, но и сумел преодолеть Барьер Отрицания, мгновенно разрывающий на части попадавшие в поле его действия объекты. Барьер окутал Ялдабаота в тот момент, когда Нами в Облике появился перед Крылатым, но Меч справился и с этим Высшим заклинанием, просто перерубив канал Силы, идущий от Дитя Змея к Барьеру, точно канал был простой деревяшкой, а не сложноорганизованной эфирной структурой высшего порядка.

Ялдабаот неожиданно перестал кричать и зло уставился в фасетчатые буркалы Облика Нами.

— Ну что же ты? — прошипел он с ненавистью. — Почему остановился? Убей меня!

Нами не шевелился, Аль-сид не заметил никакого использования Силы с его стороны, но вокруг Крылатого возникли двойники Нами, такие же черные, массивные и чешуйчатые, и каждый с таким же Мечом. Впрочем, аура у них была одинаковая, так что трудно было утверждать, что это двойники-фантомы. Это был сам Нами, каждый из них.

О боги и убоги, что же за Сила в этих артефактах?

Меч взлетел вверх — и каждый Нами направил свое оружие острием на Ялдабаота. Крылатый смиренно сложил крылья. Из обрубленных рук текла кровь, яркая, густая, она все текла и текла, а Ялдабаот опустился на колени, покорно подставив голову под удар.